

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет)
Юридический институт
Кафедра «Уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
заведующий кафедрой,
к.ю.н., доцент

_____ И.М. Беляева
_____ 2017 г.

Юридическая природа аффекта в уголовном праве

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ФГАОУ ВО «ЮУрГУ» (НИУ) – 40.03.01.2017.477ВКР

Руководитель работы,
доцент кафедры
_____ Н.И.Щипанова
_____ 2017 г.

Автор работы,
Студент группы Ю – 477
_____ Т.Г.Бахтина
_____ 2017 г.

Нормоконтролер, преподаватель
_____ Д.В. Бирюкова
_____ 2017 г.

Челябинск 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
1 ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АФФЕКТА.....	9
1.1 Эволюция аффекта в отечественном уголовном праве.....	9
1.2 Понятие, признаки, виды и уголовно-правовое значение аффекта.....	23
1.3 Установление видов аффекта в российской правовой науке.....	35
2 КВАЛИФИКАЦИЯ АФФЕКТИРОВАННЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (СТ. СТ. 107,113 УК РФ).....	44
2.1 Понятие и признаки преступлений, совершаемых в состоянии аффекта.....	44
2.2 Отграничение преступлений, совершённых в состоянии аффекта от смежных деяний.....	58
2.3 Аффект в зарубежном уголовном законодательстве: теория и практика.....	70
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	76
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	81

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Эмоции являются неотъемлемой частью проявления человеком своих чувств. Благодаря эмоциям мы можем выразить положительное или отрицательное отношение к тем или иным явлениям и предметам. В современном мире человек переживает различные эмоциональные состояния: транс, стресс, фрустрация, эмоциональное возбуждение и т.д. Некоторые эмоции находят выражение в преступном поведении, в связи с чем, уголовное законодательство учитывает их проявления в ряде случаев. Особое внимание при этом уделяется такому состоянию человека как «аффект».

Преступления, совершенные в состоянии аффекта, определяют пониженную способность субъекта прогнозировать последствия своих действий и в полной мере осознанно руководствоваться ими. При этом субъект полностью не лишён возможности саморегуляции своего правового поведения, способности осознавать свои действия, значения инкриминируемых поступков. Способность руководить указанными действиями не утрачена, но уменьшена по сравнению с установившейся общепринятой нормой.

Актуальность и важность вопроса об аффекте и аффективном поведении научно подтверждены исследованиями многих ученых, в которых ставятся вопросы отграничения преступлений, совершенных в состоянии аффекта, и, например, ограниченной вменяемости, аффекта и сильного душевного волнения. Это дает возможность в случае совершения преступления аффектированным субъектом в зависимости от степени эмоционально-волевых расстройств говорить о полной вменяемости субъекта, ограниченной вменяемости или констатировать невменяемость лица,

совершающего преступление под влиянием состояния, определяющегося как аффект.

Одним из важнейших свойств аффекта является иррадированный характер, то есть распространение на все стороны поведения. В результате аффекта изменяются сложные интеллектуальные и волевые процессы, при этом максимальные отклонения происходят именно в высших психических функциях, мышлении, речи и др.

Проблема аффекта — это одна из наиболее сложных проблем не только в уголовно-правовой теории, но и в ряде других наук: общей и социальной психологии, психофизиологии, педагогике, генетике и пр. Нельзя ни обосновать уголовную ответственность за антиобщественные поступки, совершаемые в аффекте, ни установить пределы такой ответственности, ни дать им правильную юридическую характеристику, ни определить возможность применения конкретных мер предупреждения подобных поступков, если этому не предшествует серьезное психологическое и психофизическое обоснование.

Целью дипломной работы является теоретический анализ сущности аффекта как уголовно-правовой категории, а также актуальных проблем, возникающих при реализации уголовной ответственности за преступления, совершенные в состоянии аффекта.

Достижение цели исследования осуществляется постановкой и последовательной реализацией следующих основных задач:

- рассмотреть процесс эволюция аффекта в отечественном уголовном праве;
- проанализировать понятие, признаки, виды и уголовно-правовое значение аффекта;
- проследить установление теории аффекта в российской правовой науке;

- рассмотреть понятие и признаки преступлений, совершаемых в состоянии аффекта;
- проанализировать отграничение преступлений, совершённых в состоянии аффекта от смежных деяний;
- дать характеристику аффекту в зарубежном уголовном законодательстве.

Объектом дипломной работы являются общественные отношения, складывающиеся в сфере реализации уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за преступления совершенные в состоянии аффекта.

Предметом исследования выступают юридическая характеристика аффекта, уголовно-правовые нормы российского и зарубежного законодательства и практика их применения.

Теоретическую основу исследования составили работы по истории, психологии, уголовному праву, относящиеся к рассматриваемой проблеме, что обусловлено комплексным характером исследования.

Методологической основой исследования явились различные общенаучные методы, прежде всего, диалектический как основной способ объективного и всестороннего познания действительности.

В работе также использовались частные научные методы социально-правового исследования, такие, как: исторический, сравнительно-правовой, системно-структурный, формально-логический, абстрагированный, экспертных оценок.

Результаты дипломной работы имеют практическую значимость, содержат выводы, предложения по совершенствованию норм уголовного законодательства.

Работа состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключение и библиографического списка.

1 ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АФФЕКТА

1.1 Эволюция аффекта в отечественном уголовном праве

Уголовный кодекс Российской Федерации¹ предусматривает аффект как особое эмоциональное состояние лица в момент совершения преступления, являющееся основанием смягчения ответственности. Сам термин «аффект» появился в российском уголовном законе сравнительно недавно - с принятием действующего УК РФ. Однако эмоциональное состояние лица в момент совершения преступления всегда принималось во внимание законодателем.

Это состояние в различные периоды носило разные названия - запальчивость, раздражение, сильное душевное волнение, - что связано с уровнем юридического языка на том или ином историческом этапе, а также с развитием науки, в частности, психологии, и возрастанием ее влияния на терминологию уголовного права².

Рассмотрим, какое эмоциональное состояние изначально являлось основанием выделения привилегированных составов, как оно характеризовалось, какими терминами описывалось в том или ином законодательном акте, и какие изменения претерпело.

Уже в XIII в. уголовный закон освобождал лицо от ответственности с учетом его эмоционального состояния. Согласно ст. 26 Пространной редакции Русской Правды, ответ мечом на оскорбление действием не являлся

---

¹Уголовный кодекс РФ: Федеральный закон от 13 июня 1996г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – 17 июня. – № 25. – Ст. 2954.

²Шарьурова Ю.Б. Ответственность за преступления, совершённые в состоянии аффекта. Исторический аспект // Пробелы в российском законодательстве. –2011. – № 5. – С. 169-172.

преступлением и не подлежал наказанию: «Не терпя ли противу тому ударить мечемъ, то вины ему в томъ нетуть»²¹.

Артикул Воинский 1715 г. предусматривал ответственность за оскорбление, нанесенное в состоянии крайнего возбуждения: «ежели кто другаго не одумавшись с сердца, или опаматовась, бранными словами выберит, оный пред судом у обиженнаго христианское прощение имеет чинить и просить о прощении» (Арт. 152)². «Не терпя...», «не одумавшись с сердца, или опаматовась» - эти описания эмоционального состояния лица позволяют сделать вывод, что в этот период развития уголовный закон рассматривал как основание смягчения или освобождения от уголовной ответственности внезапность умысла, возникшего под влиянием чувств, эмоций. Современное законодательство не расценивает такое состояние как основание смягчения ответственности: сами по себе эмоции не имеют уголовно-правового значения.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в отличие от предыдущих законодательных актов, нормы которых характеризовались казуистичностью изложения, впервые предусматривало конкретные термины, призванные обозначать эмоциональное состояние виновного, являющееся основанием смягчения ответственности - «запальчивость» и «раздражение».

Уложение предусматривало ответственность за преднамеренное убийство, а также за убийство, совершенное по внезапному побуждению, без предварительного умысла. Убийство, совершенное в состоянии запальчивости или раздражения, относилось к последнему, фактически образуя особо привилегированный состав. В данном случае понятие

---

¹Сверчков В.В. Основания освобождения от уголовной ответственности (наказания) в системе отечественного законодательства // Правоведение. –2003. – № 5. – С. 119.

²Российское законодательство X - XX веков: Законодательство периода становления абсолютизма. В 9-ти томах. Т. 4 / под общ. ред. Чистяков О.И. – М.: Юрид. лит., 1986. – С. 322.

«умышленно» «противопологается заранее обдуманному намерению и означает внезапный, но сознательный умысел»¹.

В уголовно-правовой литературе состояние запальчивости и раздражения толковалось как состояние, которое «сплывает в одном душевном напряжении и возникновение злого умысла, и приведение его в исполнение»²; все деяние представляется «продуктом одного страстного порыва, как бы поглотившего все существование действовавшего»³.

Профессор Н. С. Таганцев отмечал, что под запальчивостью и раздражением «закон имеет в виду лишь общее понятие о таком настроении виновного, которое в известной степени извиняет его деяние. Такое состояние может происходить из различных источников и иметь весьма разнообразные оттенки»⁴. «Если жена, поссорившись жестоко с мужем, под влиянием этого раздражения, чтобы выместить свою злобу, убивает своего ребенка, совершенное ею убийство будет, разумеется, убийством в запальчивости»⁵. Приведенный пример показывает, что сфера действия норм о рассматриваемых преступлениях была значительно шире по сравнению с действующим законодательством. Само основание смягчения ответственности, характеризуемое терминами «запальчивость» и «раздражение», понятие более широкое, чем современное «сильное душевное волнение (аффект)», поскольку фактически означало внезапный умысел, возникший под влиянием чувств, что действующим законом вообще не учитывается.

К моменту принятия Уголовного Уложения 1903 г. термины «запальчивость» и «раздражение» как характеризующие эмоциональное

---

¹Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года. – М.: Книга по Требованию, 2011. – С. 685.

²Таганцев Н.С. Указ.соч. – С. 668.

³Неклюдов Н.А. Руководство к особенной части русского уголовного права: Преступления и проступки против личности. Т. 1. – С.-Пб.: Тип. П.П. Меркульева, 1876. – С.18.

⁴Таганцев Н.С. Указ.соч. – С. 120.

⁵Таганцев Н.С. Указ.соч. – С. 297.

состояние лица устарели, учитывая научные достижения рубежа XIX-XX веков в области психологии, и были заменены понятием сильного душевного волнения. Тем не менее, новое понятие долгое время оставалось обыденным, а его содержание толковалось в духе общекультурных представлений своего времени на уровне простого здравого смысла¹.

Основание для снижения ответственности за преступления, совершенные в таком состоянии, заключалось, по мнению Редакционной Комиссии, «в силе страсти, потемняющей умственные способности действующего и толкающей на преступление; действующий виновен в том, что уступил гневу или страху, который мог бы преодолеть, но он заслуживает некоторого извинения, потому что действовал под влиянием все сильного порыва, его охватившего»².

В этом комментарии видится стремление создателей Уложения ограничить возможность смягчения ответственности случаями, когда эмоциональное состояние виновного действительно оказывало влияние на сознание и ограничивало его способность к выбору поведения.

Профессор С.В. Познышев так оценивал введение нового понятия: «Редакторы Уголовного Уложения совершенно справедливо признали, что понятия «запальчивость» и «раздражение» являются условными и растяжимыми, иногда означаемое ими состояние граничит с психическим состоянием, уничтожающим вменяемость, а с другой стороны, оно не всегда исключает обдуманность действий и в иных случаях представляет собою простое последствие нежелания сдержать порыв страсти или результат привычки легко и небрежно относиться к чужим интересам. Поэтому

---

¹Шишков С. Установление «внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта)» // Законность. – 2002. – № 11. – С. 25.

²Уголовное Уложение: Глава 1. Проект редакционной комиссии и объяснения к нему. Т. 6. – СПб.: Гос. Тип., 1897. Т. 6. – С. 232.

они предпочли этим терминам фразу: «задуманном и выполненном под влиянием сильного душевного волнения»¹.

Слово «сильное» служит показателем того, что возникающее у виновного волнение должно быть выраженным, интенсивным. Тем не менее, эмоциональное состояние виновного должно лишь ограничивать, а не исключать способность лица к осознанию своих действий и руководству ими. Этим сильное душевное волнение отличается от психических расстройств, обуславливающих невменяемость².

Понятие «запальчивость», ранее являвшееся основанием смягчения ответственности, появилось вновь в советском уголовном праве с принятием Руководящих начал по уголовному праву 1919 г. Пункт «з» ст. 12 указывал, что при определении меры наказания в каждом отдельном случае следует учитывать, обнаружены ли в совершенном деянии заранее обдуманное намерение, жестокость, злоба, коварство, хитрость или деяние совершено в состоянии запальчивости, по легкомыслию и небрежности³. Термин «запальчивость» здесь использовался для характеристики внезапно возникшего умысла. Такая формулировка еще очевиднее подтверждает смысловое несоответствие ранее применяемого уголовным законом понятия «запальчивость» и современного «сильного душевного волнения (аффекта)».

Общая часть УК РСФСР 1922 г. в качестве смягчающего наказание обстоятельства предусматривала «запальчивость». Вместе с тем Особенная часть предусматривала ответственность за преступления, совершенные в состоянии сильного душевного волнения.

---

¹Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложений. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Тип. В.М. Саблина, 1909. – С. 16-17.

²Познышев С.В. Указ. соч. – С. 24.

³Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917 - 1952 гг. / Под ред. Голякова И.Т. – М.: Госюриздат, 1953. – С. 203.

Таким образом, законодатель дифференцировал понятия «запальчивость» и «сильное душевное волнение». Понятие запальчивости фактически характеризовало внезапно возникший умысел, противопоставленный заранее обдуманному намерению, и выступало в качестве общего смягчающего обстоятельства. Понятие сильного душевного волнения было выделено как признак привилегированного состава.

В Основных началах уголовного законодательства СССР и Союзных республик 1924 г. уже не применялся термин «запальчивость»; ст. 32 содержала перечень смягчающих обстоятельств, включающий совершение преступления под влиянием сильного душевного волнения¹. Таким образом, термин «запальчивость» был исключен из уголовного законодательства, окончательно уступив место термину «сильное душевное волнение», который до настоящего времени характеризует в уголовном законе эмоциональное состояние виновного, являющееся основанием смягчения ответственности.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. предусматривал ответственность за убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего (ст. 138 УК).

Перечень смягчающих наказание обстоятельств также включал в себя совершение преступления под влиянием сильного душевного волнения². Оно учитывалось как смягчающее наказание обстоятельство при совершении преступлений, не предусмотренных привилегированными составами. В 1958 г. вступили в действие Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик. Ст. 33 Основ предусматривала совершение преступления под влиянием сильного душевного волнения, вызванного

---

¹Там же. – С. 205.

²Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий / Ред. колл.: Вышинская З., Меньшагин В., Трайнин А. Под ред. Голякова И.Т. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – С. 52.

неправомерными действиями потерпевшего, как одно из смягчающих наказание обстоятельств.

УК РСФСР 1960 г. предусматривал сильное душевное волнение, спровоцированное неправомерными действиями потерпевшего, как смягчающее наказание обстоятельство (п. 5 ст. 38), а также как признак привилегированного состава (ст. 104 УК РСФСР).

П. 5 ст. 38 УК РСФСР не предусматривал признак внезапности возникновения сильного душевного волнения, который был указан в диспозиции ст. 104, 110 УК РСФСР, таким образом, сфера действия общей нормы была шире. Кроме того, специальные нормы ограничивали круг лиц, посягательство против которых может вызвать у виновного состояние сильного душевного волнения и служить смягчающим обстоятельством, в то время как п. 5 ст. 38 УК РСФСР такого ограничения не предусматривал.

По мнению Б.В. Сидорова, сильное душевное волнение в смысле п. 5 ст. 38 УК РСФСР не достигало той степени интенсивности, которая давала бы основание говорить о нем как о состоянии аффекта, предусмотренном ст. 104, 110 УК РСФСР, так как обычно оно не вызывает дезорганизации волевой сферы виновного¹. В связи с этим теория и практика допускали применение п. 5 ст. 38 УК не только к деяниям, совершенным непосредственно вслед за неправомерным поведением потерпевшего, но и если имел место разрыв во времени между незаконными действиями потерпевшего и совершением преступления.

УК РФ 1996 г. внес значительные изменения в регламентацию ответственности за рассматриваемые преступления. Состояние сильного душевного волнения было исключено из числа обстоятельств, смягчающих наказание. УК РФ впервые предусматривает в таком качестве

---

¹Сидоров Б.В. Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение. – Казань, 1978. – С. 41.

противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления (п. «з» ч. 1 ст. 61).

Самым значительным изменением стало, безусловно, законодательное закрепление понятия «аффект». Этот термин уже долгое время применялся в теории уголовного права, как наиболее точно характеризующий эмоциональное состояние лица, являющееся основанием смягчения ответственности. В литературе существовали различные позиции по поводу законодательного закрепления термина. Профессор Б. В. Сидоров считал правильным включить в закон только понятие «аффект». По его мнению, упрощенное, но неточное толкование известного психологического понятия, стремление перевести его на более понятный для широкого круга язык играет не положительную роль, а напротив, существенно затрудняет правильное и единообразное применение норм, регулирующих ответственность за преступления, совершаемые в состоянии аффекта¹. Другие авторы, наоборот, выступали против замены понятия «внезапно возникшего сильного душевного волнения» термином «аффект»².

В итоге УК РФ фактически уравнил эти понятия. Грамматическое толкование ст. ст. 107 и 113 УК РФ, в которых понятие «аффект» помещается в скобки, как термин, разъясняющий понятие «сильное душевное волнение», приводит к выводу, что аффект и сильное душевное волнение - понятия тождественные³. Действующая формулировка закона позволяет существовать мнению, что, как ранее «сильное душевное волнение» сменило понятия «запальчивость» и «раздражение», так и теперь постепенно уступит место аффекту⁴. Однако история показывает, что замена термина невозможна без

---

¹Сидоров Б.В. Указ.соч. – С. 41.

²Бородин С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. – М.: Юрист, 1994. – С. 113.

³Подольный Н. Сильное душевное волнение и аффект // Законность. – 2001. – № 2. – С. 36.

⁴Шишков С. Установление «внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта)» // Законность. – 2002. – № 11. – С. 27-28.

пересмотра его содержания. Ранее это всегда означало пересмотр самого основания смягчения ответственности, изменение подхода к самому основанию смягчения ответственности.

К сильному душевному волнению следует относить не только различного рода аффекты, но и другие эмоциональные состояния, которые возникают в результате правомерных действий потерпевшего и характеризуются большой силой своего проявления, отличающей их от некоторых других эмоций (фрустрации, транса, стресса, эмоционального возбуждения и др.). Хотя проблема тождества или различия этих понятий была поднята уже давно¹, она по-прежнему остается неразрешенной.

Также по вопросу определения аффекта экспертом-психологом можно добавить, что не всегда суды правильно толкуют заключение экспертизы.

Так, Ширмер В.С., ранее не судимая, осуждена к лишению свободы по ч. 1 ст. 105 УК РФ на срок 7 лет без ограничения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

В кассационных жалобах и дополнениях адвокат Баландин О.А. в интересах осужденной просил переквалифицировать ее действия на ч. 1 ст. 107 УК РФ, назначив минимально возможное наказание, ссылаясь на аморальность поведения погибшего и то, что, установив нанесение осужденной не менее шести ударов по шее и верхним конечностям Ш.В.В., суд не привел доказательств, подтверждающих это и не учел показания несовершеннолетнего Ш.В.В. о том, что эти повреждения мог причинить себе сам погибший Ш.В.В. Кроме того, согласно заключению судебно-психиатрической экспертизы, с которой согласился суд, инкриминируемое Ширмер В.С. деяние совершено ею в состоянии выраженного эмоционального напряжения, протекавшего по механизмам выраженного аффективного деликта, между тем суд указал на отсутствие у осужденной состояния аффекта.

---

¹Лысков Б.Д. Проблема психических состояний в практике судебно-психологической экспертизы // Психические состояния: Межвузовский сборник. – Л.: Ленингр. Гос. Унив, 1981. – С. 39.

Суд кассационной инстанции изменил приговор суда первой инстанции и переквалифицировал действия осужденной с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 107 УК РФ, указав следующее: «Так судом установлено, что в указанное в приговоре время между осужденной и ее супругом Ш.В.В. произошла ссора, в ходе которой Ширмер В.С. толкнула Ш.В.В. в область грудной клетки, отчего тот упал на диван; нанесла неустановленными предметами не менее шести ударов по шее и верхним конечностям.

После чего Ширмер В.С. села сверху на туловище Ш.В.В., взяла в руки водолазку, обвила ее вокруг шеи мужа и, растягивая свободные концы в разные стороны, задушила его.

Заключением судебно-медицинской экспертизы установлена причина смерти Ш.В.В., локализация нанесенных ему телесных повреждений и механизм их образования, а также возможность их причинения при обстоятельствах, указанных осужденной и установленных судом.

Протокол осмотра места происшествия подтверждает выводы суда о месте и характере ссоры, орудии преступления.

В нем зафиксировано расположение трупа Ш.В.В. с признаками насильственной смерти и водолазка рядом; террариум с крокодилом и клетки с рептилиями; разбитая подставка под обувь, деформированный смеситель воды в ванной и сорванная занавеска для душа, разбросанная обувь, душевые принадлежности и средства гигиены.

Свидетель И.Н.И. показала, что супруги Ш.В.В. и В.С. занимались различными магическими ритуалами, Ш.В.В. изменял осужденной;

Б.Н.И. показала, что Ш.В.В. и В.С. являлись соседями, Ш.В.В. жестоко обращался со своей семьей и у них постоянно происходили конфликты, так было и в день, указанный в приговоре;

С.Д.О. подтвердила, что оказывала Ш.В.В. интимные услуги по установленному им графику, которые тот щедро оплачивал, а также то, что со слов самого Ш.В.В. знает о его многочисленных изменах жене с разными женщинами.

С.Д.О. также свидетельствовала о том, что в день указанный в приговоре, Ш.В.В. позвонил ей, а после этого свидетелю позвонила осужденная Ширмер В.С., обвиняя ее и оскорбляя.

Из показаний несовершеннолетнего свидетеля Ш.В.В. тоже видно, что в день, указанный в приговоре, родители отмечали День влюбленных, после чего его отец Ш.В.В. позвонил незнакомой женщине.

В связи с этим между родителем произошел конфликт, в ходе которого отец стал все крушить, разбил подставку для обуви, вырвал кран в ванной, отобрал у матери мобильный телефон и бросил его в воду.

Эти же обстоятельства в день, указанный в приговоре, на которые ссылались С.Д.О. и несовершеннолетний Ш.В.В., подтвердил и свидетель Поздняков Р.В. со слов осужденной.

О супружеской неверности Ш.В.В. и его жестоком обращении с семьей свидетельствовал и Ш.В.П. со слов осужденной.

Как следует из приговора, показания осужденной о длительном аморальном поведении Ш.В.В. суд признал достоверными.

Более того, в приговоре установлена длительная психотравмирующая ситуация, связанная с таким поведением Ш.В.В., а также то, что преступление осужденной совершено в состоянии сильного эмоционального напряжения.

Об этом же указано в заключении комиссионной психолого-психиатрической экспертизы, а также то, что Ширмер В.С. ориентирована на социально одобряемый образ жизни, соблюдение норм межличностных отношений.

Вышеуказанное эмоциональное напряжение протекало по механизмам выраженного аффективного деликта, на что указывает наличие всех квалификационных признаков состояния выраженного аффективного деликта с типичной динамикой развития эмоциональных реакций и их внешними проявлениями.

Эмоциональная реакция была кратковременной, острой и протекала в типичной для выраженного аффективного деликта форме.

Выраженная аффективная реакция возникла субъективно внезапно по механизму «последней капли» в ситуации дополнительной эмоциональной нагрузки во время очередного конфликта с потерпевшим.

Из-за характерных изменений (физиологических, биохимических и вегетативных), которые происходят в организме человека, переживающего аффективные реакции, у осужденной произошел прилив физических сил, и она смогла удушить физически более сильного человека.

За счет аффективного сужения сознания осужденная не помнит как взяла водолазку, как долго душила мужа, оказывал ли он сопротивление и т.д.

Постаффективное состояние Ширмер В.С. характеризуется наличием признаков физического и психического истощения, элементами отчужденности от своих действий, апатией и безразличием к ситуации.

Способ агрессивного реагирования не был для осужденной типичным, что является еще одним дополнительным экспертным критерием выраженной аффективной реакции.

В приговоре указано, что суд данную экспертизу признал достоверной, не противоречащей обстоятельствам дела, установленным судом.

Заключение этой экспертизы положено судом в основу приговора.

Действительно, экспертиза проведена комиссией специалистов, обладающих специальными познаниями, с соблюдением процессуальных норм, при этом учтены все сведения по делу, в том числе те, на которые обратил внимание прокурор в суде кассационной инстанции.

По своему содержанию заключение экспертов подробно, обоснованно и соответствует требованиям, предъявляемым к заключениям такого рода.

Между тем, в приговоре содержатся выводы суда, противоречащие вышеназванному заключению экспертов, о том, что не имел места внезапно наступивший аффективный взрыв; а после содеянного у Ширмер В.С. не наступила психическая и физическая астения; что в заключении экспертов

отсутствует утверждение, что преступление осужденной совершено в состоянии аффекта, хотя и протекало по механизмам выраженного аффективного деликта.

Кроме того, по мнению суда первой инстанции, показания Ширмер В.С. о ее поведении после содеянного свидетельствуют о контроле ею своего поведения, анализе своих действий и отсутствии признаков аффекта.

Анализ этих выводов суда, приведенный в приговоре, и заключения психолого-психиатрической экспертизы показывает неправильное понимание судом первой инстанции заключения комиссии экспертов и понятий, используемых в нем.

Так совершение преступления в состоянии физиологического аффекта не исключает вменяемость исполнителя преступления.

Как указано в заключении экспертов эмоциональное состояние оказало существенное влияние на сознание Ширмер В.С. (оно аффективно сузилось), на контроль и руководство своими действиями, однако не лишило осужденную способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Далее, понятие деликт является юридическим и означает проступок, правонарушение, влекущее за собой возмещение вреда и ущерба, взыскиваемых в пользу лиц потерпевших.

Отличительным признаком деликта служит намерение причинить вред.

Указание комиссии экспертов на то, что деликт являлся аффективным, при наличии всех квалификационных признаков состояния выраженного аффективного деликта с типичной динамикой развития эмоциональных реакций и их внешними проявлениями представляет собой вывод о том, что указанное в приговоре убийство Ш.В.В. совершено Ширмер В.С. именно в состоянии аффекта.

Таким образом, выводы суда о совершении осужденной неквалифицированного умышленного убийства, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, не подтверждаются доказательствами, рассмотренными в судебном заседании»¹.

Согласно самым ранним российским законодательным актам (Русская Правда, Артикул Воинский) для смягчения ответственности в связи с эмоциональным состоянием виновного в момент совершения преступления требовалось лишь установить внезапность умысла, возникшего под влиянием чувств, эмоций. То есть изначально достаточным основанием смягчения ответственности являлись обычные эмоции. Установить факт непосредственного их влияния на поведение виновного было невозможно. На сегодняшний день такое влияние может быть определено с помощью соответствующих методик, разработанных в психологии и применяемых экспертами-психологами для установления физиологического аффекта. Нет необходимости продолжать рассматривать основание смягчения ответственности как воздействие эмоций, описываемое как сильное, вне связи с конкретным воздействием, которое оно оказало на поведение виновного.

Терминология меняется не только в связи с изменением языка. Когда-то психическое расстройство, исключаящее вменяемость, именовалось законом «душевной болезнью», и устанавливалось судом без привлечения специалистов. Сегодня основанием признания лица невменяемым является исключительно заключение судебно-медицинской экспертизы. На наш взгляд, закрепление уголовным законом понятия аффекта, заимствованного из психологии, является результатом развития психологической науки, и предполагает существенное изменение подхода к решению вопроса об уголовной ответственности за совершение преступлений в состоянии аффекта.

---

¹Дело № 22–1482/2013 Челябинского областного суда // [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.chel-oblsud.ru>

1.2 Понятие, признаки, виды и уголовно-правовое значение аффекта

Общепринятое значение термина «аффект» — это состояние сильного душевного возбуждения и потери самоконтроля¹. В психологии аффект рассматривается как чрезвычайно сильное, особо выраженное² и бурно протекающее кратковременное эмоциональное состояние, связанное с кардинальным изменением важных для субъекта жизненных обстоятельств, сопровождаемое резко выраженными психофизиологическими проявлениями и изменениями, дающее неподчиненную сознательному волевому контролю разрядку в действии³.

В юриспруденции деструктивный по своему нраву аффект является предметом исследования науки криминального права. Опираясь на психологическую характеристику предоставленного взгляда, законодатель выделил основания возникновения аффекта, имеющего правовой смысл:

1) принуждение физиологическое (влияние на человека, способное нанести боль, физические повреждения и смерть) или психическое (угроза, шантаж);

2) измывательство (жестокая издёвка, глумление над виноватым, вышучивание каких-нибудь физиологических изъянов человека) или тяжёлое оскорбление, которым считается циничное, то есть субъективно тяжёлое унижение чести и достоинства лица;

3) продолжительная психотравмирующая обстановка, появляющаяся в связи с систематичными незаконными или безнравственными действиями пострадавшего;

---

¹Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд. – М.: Рус. яз., 1990. – С . 38

²Немов Р.С. Психология: учебник. – 2-е изд., стер. – М.: КНОРУС, 2016. – С. 49.

³Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2002. – С . 489.

4) иные преступные (кража, грабеж, клевета, понуждение женщины к вступлению в половую связь, повреждение и уничтожение имущества) и противоправные деяния, вытекающие из административных (хулиганство), гражданских (невозвращение долга), трудовых (отказ от выполнения служебного долга) и других правоотношений;

5) безнравственное поведение пострадавшего (измена, супружеская неверность) или собственные неприязненные взаимоотношения.

Понятие «аффект» в теории государства и права, как отмечающее какое-то конкретное автономное эмоциональное состояние, разработано мало. Современные определения аффекта во многом сводятся к перечислению его основных признаков. Так, А.В. Коломина считает, что аффект есть особое эмоциональное состояние, в котором находится субъект правоотношений, характеризующееся повышенной силой воздействия на волю и сознание, вызванное определенным внешним раздражителем и влекущее юридические последствия (возникновение, изменение и прекращение правоотношений)¹.

Несмотря на отсутствие однозначности в понимании аффекта данный термин в правовой психологии используется достаточно широко, что свидетельствует о необходимости нахождения единого и точного определения данного понятия. На наш взгляд, аффект — это структурный элемент правосознания, являющийся временным, «аварийным» способом познания и отражения правовой действительности, обладающий слабой мотивирующей силой и интенсивностью проявления, мешающей здоровой оценке правовой ситуации.

Для подобного определения имелись исторические предпосылки в виде двух основных интерпретаций аффекта: широкой и узкой. Так, Б. Спиноза и английские философы (Ф. Бэкон, Д. Юм, Э. Берк) понимали под аффектом

---

¹Коломина А.В. Аффект в праве: Дис . канд . юрид. наук. – Владимир, 2006. – С . 52.

любые человеческие эмоции, чувства и даже желания¹. Широко интерпретировал этот термин и Л.С. Выготский в постановке проблемы единства аффекта и интеллекта. Аналогичной точки зрения придерживался и русский юрист Н.С. Таганцев. У И. Канта термин «аффект» используется в более узком смысле, близком к принятому в современной науке². Сторонником широкой трактовки данного понятия в настоящее время является и М.И. Еникеев, который к аффективным состояниям относит страх, гнев, ужас и фрустрацию³.

Термин «аффект» в современном (узком) его понимании был введен А.Н. Леонтьевым, который определял его как «сильное, внезапно возникающее эмоциональное явление»⁴. В юриспруденции этот термин заменяется на концепт «сильное душевное волнение», который появился в законодательстве в 1903 г. и соотносился с «аффектом» как общее и частное, а сейчас отождествляется с ним, что может привести к «размытости» категориального аппарата трех наук: юриспруденции, юридической психологии и психологии⁵.

Исходя из того, что установление присутствия или отсутствия состояния аффекта является исключительной компетенцией эксперта, а интенсивного душевного волнения — компетенцией суда, нужно законодательно размежевать эти два мнения. В противоположном случае эксперт будет разрешать вопросы, ранее отыскивавшиеся в ведении суда. Чтобы этого избежать, на наш взор, нужно скрупулёзно разрабатывать в законе суждения «аффект» и «интенсивное душевное волнение»: описать их пределы и установить соотношение друг с другом. К интенсивному душевному

---

¹ Спиноза Б. Этика. – СПб.: Мегакон, 1993. – С. 87.

² Большой психологический словарь / Сост. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. – М.: АСТ, 2004. – С. 4748.

³ Еникеев М.И. Юридическая психология. Учебник для вузов. — М.: Норма, 2005. – С. 201.

⁴ Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. – М.: АСТ, 2000. – С. 462.

⁵ Алексеева Л.В. Взаимоотношение психологии и уголовного права в аспекте экспертологии // Психологический журнал. – 2002. – № 6. – С. 60-71.

волнению надлежит причислять не только многообразного рода аффекты, но и иные эмоциональные состояния, которые начинаются в итоге неправомерных воздействий пострадавшего и характеризуются значительной силой своего проявления, отличающей их от кое-каких других эмоций (фрустрации, транса, стресса, эмоционального возбуждённости и др.). Хотя проблема тождественности или отличия этих суждений была возведена уже давно, она по-прежнему остается неразрешенной.

Предметом другого спора является позитивная или негативная отметка аффекта¹. Одни полагают аффект обычной реакцией², а другие отклонением, свидетельствуя на непропорциональность реакции провоцирующему влиянию, искривления в отметке правовых обстоятельств. По нашему представлению, аффект — это обычная реакция здорового организма, которая, хотя и причисляется к состояниям уменьшённой правоспособности, но не выключает вменяемости и может влечь ответственность в определённых законом случаях, а не использование принудительных мер врачебного характера. Учитывая, что для эмоций, к которым откладывается и аффект, характерна амбивалентность, на наш взор, является весьма ответственным и нецелесообразным подавать компонентам правовой психологии позитивную или негативную отметку. Но по одному вопросу представления ученых сближаются: чтобы проследить динамику возникновения и направления аффекта, нужно хронологически распределить его на три периода:

1) возникновение оригинального эмоционального ответа на противозаконные или безнравственные деяния, при котором грубо дезорганизуется вся психическая работа человека, срывается его ориентировка в окружающей реальности. Эта психическая реакция может начинаться неожиданно и стремительно добиваться своей крайней

---

¹Психология для юристов: Учебник / Под ред. И.И. Алимова. – М.: Норма, 2005. – С. 147.

²Романов В.В. Юридическая психология: Учебник. – М.: Юрист, 2004. – С. 160.

напряжённости или, напротив, может проходить понемногу, скапливая эмоциональную интенсивность (кумулятивный аффект). Но, самостоятельно от напряжённости волнения, человек все еще сберегает способность волевым усилием предупредить дальнейшее развитие аффекта;

2) аффективный взрыв, когда развиваются процессы возбуждения, достигающие наивысшей силы в подкорковых центрах. Психическое состояние человека на этой стадии характеризуется глубоким переживанием и заторможенностью, в результате чего расстраивается деятельность его мышления и речь. Большинство описываемых в научной литературе признаков аффекта относятся к этой стадии;

3) изживание аффекта, на этом заключительном этапе происходит спад нервного напряжения, возникает состояние резкой слабости, подавленного настроения, депрессии и даже сна (иногда прямо на месте преступления). Такое состояние может приводить к дезориентации во времени и в пространстве, частичной или полной утрате воспоминаний о случившемся, холодным и бесщедрым по характеру поступкам, что нередко в глазах окружающих выступает в качестве еще одного доказательства «закоренелости» преступника.

Обязательным признаком аффективного состояния является внезапность его возникновения. При решении вопроса, являлось ли сильное душевное волнение внезапно возникшим, следует исходить из совокупности конкретных обстоятельств дела, всесторонне, полно и объективно исследованных в суде.

Судом первой инстанции обоснованно учтено, что между потерпевшим и осужденным имелся спор из-за обладания собакой, оставшейся после смерти Б. Встреча утром 12 июня 2014 года была назначена для выяснения отношений по данному факту. Кин был на этой встрече с ножом, который применил после отказа Д. вернуть собаку. Внезапности возникновения аффекта не могло быть, поскольку Д. неоднократно заявлял осужденному о

том, что оставляет собаку себе.

Также суд первой инстанции обоснованно учел показания свидетеля Б., соседки осужденного по коммунальной квартире, оглашенные в судебном заседании. Б. поясняла, что утром 12 июня 2014 года находилась дома, осужденного дома не было. Увидела, что примерно в 09 часов в квартиру зашел Кин, находившийся в состоянии сильного алкогольного опьянения. Он начал размахивать «ножиком с синей ручкой», кричал, что зарезал Р.Д., который украл у него собаку. После этого Кин ушел на улицу»¹.

По специфике протекания названных стадий и характеру их воздействия на поведение субъектов права различают следующие группы аффектов:

- стенические (например, гнев, радость) и астенические (тоска, страх);
- патологические, физиологические и аномальные (аффекты психически неполноценных лиц и аффект в состоянии физиологического алкогольного опьянения);

- классические и кумулятивные (накопительные)².

Из всего многообразия аффектов правовое значение имеют далеко не все. В юридической практике чаще встречаются аффекты гнева и страха. Аффект гнева (ненависти) относится к защитному рефлексу и носит агрессивный характер. Его специфика состоит в том, что человек испытывает потребность в эмоциональной разрядке путем агрессии, это способ обретения оптимального состояния. Большинство преступлений, предусмотренных ст. 107 и 113 УК РФ, совершается под влиянием аффекта гнева.

Аффект страха возникает от реальной или воображаемой опасности для наиболее важных благ человека и связан с безусловным оборонительным рефлексом. Правовое значение он приобретает при превышении пределов необходимой обороны, ответственность за которое наступает только при

---

¹Дело № 10–926/2015, Дело № 10–3454/2014 Челябинского областного суда// [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.chel-oblsud.ru>

²Хапчаев С.Т. Понятие аффекта в правовой науке // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 8. – С. 17.

умышленной форме вины, то есть при очевидности несоответствия посягательства и защиты (ст. 61 УК РФ), что нехарактерно для аффекта. Таким образом, если насилие вызвано аффектом страха, то оборонительные действия лица должны считаться правомерными.

В настоящее время среди юристов распространено представление о том, что аффект как особое эмоциональное состояние, о котором идет речь в законодательстве, тождественен физиологическому аффекту¹. Данное предположение, по нашему мнению, размывает общепринятое деление аффектов на физиологический и патологический, существующее еще со второй половины XIX в. и введенное в научный оборот немецким психиатром Б. Крафт-Эбингом.

Патологический аффект — это исключаящее вменяемость (ст. 21 УК РФ) болезненное расстройство сознания, являющееся предметом изучения психиатрии, а не правовой психологии. При патологических аффектах побуждение непосредственно дает стремительную, неосознанную разрядку в преступном действии, последнее теряет характер волевого поведения и выступает как акт поведения душевнобольного человека, что имеет место при клептомании (импульсивное воровство), пиромании (импульсивное поджигательство), дромомании (импульсивное бродяжничество) и т.д.².

Так, в Златоустовский городской суд поступило уголовное дело в отношении Владислава А-на, который органами предварительного расследования обвиняется в совершении преступления предусмотренного частью 1 статьи 107 УК РФ, а именно, в убийстве, совершенном в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями потерпевшего.

---

¹Уголовное право. Особенная часть / Отв. ред. Козаченко И.Я. 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2008. — С. 320.

²Судебная психиатрия: Учебник для вузов / Под общ.ред. акад. РАМН Г. В. Морозова.— М.: Норма, 2004. —С. 199.

Из обвинительного заключения следует, что с октября 2014 года подсудимый проживал совместно с Яной Ч-ой, 1993 года рождения. В ночь на 28 декабря 2014 года между потерпевшей и Владиславом А-ным, посчитавшим аморальным поведение сожительницы, вернувшейся домой в состоянии алкогольного опьянения, в ночное время суток, солгавшей ему относительно места нахождения и круга лиц, с которыми она проводила время, возникла ссора. В ходе ссоры подсудимый несколько раз ударил Яну Ч-ю в лицо. Потерпевшая, испытывая к Владиславу А-ну личную неприязнь, приискав на месте преступления нож, действуя противоправно, нанесла подсудимому не менее трех ударов ножом в грудную клетку, причинив Владиславу А-ну тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни. После чего подсудимый, находясь в состоянии физиологического аффекта, вызванного насилием, противоправными и аморальными действиями со стороны сожительницы, решил убить потерпевшую, с этой целью Владислав А-н выхватил у Яны Ч-ой нож, и, действуя умышленно, с целью убийства нанес потерпевшей не менее 25 ударов ножом, в том числе в грудную клетку, спину, шею, верхние конечности. От полученных повреждений Яна Ч-ая спустя непродолжительное время скончалась на месте.

В ходе предварительного следствия подсудимый вину признал полностью, пояснил, что 27 декабря 2014 года сожительница ушла из дома, сказав, что приглашена на день рождения к тете, ночевать не пришла. От сестры Яны Ч-ой ему стало известно, что сожительница проводит время в компании со своей подругой. Потерпевшая вернулась домой ночью, находилась в состоянии алкогольного опьянения, и между ними произошел конфликт, в ходе которого он ударил сожительницу по лицу. В то время, когда он просматривал записи в телефоне Яны Ч-ой, чтобы узнать, с кем сожительница проводила время, почувствовал сильную боль, и увидел в руках сожительницы нож, из его груди текла кровь. После чего Яна Ч-ая нанесла ему ножом еще один или несколько ударов. Он пытался выхватить из рук потерпевшей нож, и между ними завязалась борьба, в ходе которой

нож оказался в его руке. Он был сильно разозлен на Яну Ч-ую, испытывал сильные душевные волнения из-за того, что сожительница обманула его, поэтому ударил ее ножом несколько раз, не менее трех, в область груди. После чего потерял сознание, в сознание его привела сестра потерпевшей, через некоторое время приехали сотрудники полиции и работники Скорой помощи.

Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы у подсудимого имели место 3 раны передней поверхности грудной клетки слева, проникающие в левую плевральную полость с развитием травматического гемапневмоторокса.

По заключению амбулаторной комплексной психолого-психиатрической судебной экспертизы, Владислав А-н во время совершения инкриминируемого ему деяния находился в состоянии физиологического аффекта¹.

Критерий разграничения физиологического и патологического аффектов зависит не от того, у кого он возник, а от того, насколько выражены признаки аффекта: наблюдается ли полная утрата способности отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими, глубокое помрачение сознания, истощение, выключение сдерживающих механизмов поведения с последующей прострацией и другие симптомы, проявляющиеся в степени, не свойственной физиологическому аффекту. Чтобы избежать смешения этих понятий, в правовой психологии к термину «аффект» иногда добавляют уточняющие слова «физиологический» или «непатологический». Одним из обстоятельств, благоприятствующих совершению аффективных правонарушений, является наличие у субъектов отклонений психики, не образующих невменяемости и находящихся между акцентуациями личности и психическими заболеваниями.

---

¹Дело № 1–358/2014 Златоустовского городского суда Челябинской области // [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.zlatoust.chel.sudrf.ru/>

Сюда же относятся и такие расстройства психики, которые связаны с алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией. В неблагоприятных, экстремальных условиях эти аномалии снижают сопротивляемость к воздействию конфликтных ситуаций, создают препятствия для развития социально полезных свойств личности и ее адаптации к внешней среде, ослабляют механизмы внутреннего контроля, облегчают реализацию импульсивных, случайных, непродуманных, в том числе противоправных поступков.

В связи с этим в качестве отдельного вида аффекта В.Н. Кудрявцев и И. Усова предлагают ввести понятие «аномальный аффект». Следует согласиться с тем, что аффективно-волевые аномалии и своеобразие мыслительной деятельности, имеющиеся у психически неполноценных личностей, могут сужать сопротивляемость к соблазну, ослаблять контрольные механизмы поведения, ограничивать альтернативные возможности выбора действия в тех или иных ситуациях. Такие особенности психики, как легкая возбудимость, неустойчивость, колебания настроения, эмоциональная незрелость, извращенная сексуальность, нередко «облегчают» реализацию криминального акта, приводят личность в конфликт с законом. Однако, соглашаясь с самим существованием аномального аффекта, мы считаем, что он является подвидом физиологического, потому что не выходит за пределы признаков последнего и не имеет четких критериев объективизации. Достижением современной юриспруденции является введение в правовое поле и так называемого «накопительного» или кумулятивного аффекта. Споры по поводу продолжительности первой стадии аффекта в теории права велись в течение длительного времени. Одним из первых сторонников существования кумулятивного аффекта был профессор

Э. Ф. Побегайло¹. Он и последующие исследователи допускали случаи возникновения аффекта не сразу после противоправных действий потерпевшего, а спустя определенное время.

По их мнению, отличие кумулятивного аффекта от всех предыдущих (классических) аффектов заключается в следующем:

- первая стадия сильно растянута во времени, в течение которого накапливается эмоциональное напряжение;

- из всех причин, порождающих аффекты, на первое место выходит длительная психотравмирующая ситуация, складывающаяся, как правило, в сфере семейных или строго регламентированных отношений (например, в условиях военной службы);

- данный вид аффекта может возникать у личностей робких, нерешительных, склонных выражать агрессию в социально допустимой форме, что характерно для женщин и лиц с флегматическим темпераментом;

- стадию аффективного взрыва может спровоцировать незначительное воздействие, которое будет играть роль «последней капли» (поэтому кумулятивный аффект по-другому называется «капельный»).

Суммируя сказанное, можно сделать вывод о том, что аффект — это неоднозначное и многогранное явление, вызывающее научный интерес многих исследователей. Проведенный анализ психологической и юридической литературы, а также уголовного законодательства позволил определить общие и отличительные признаки аффекта.

Аффект — это внезапное, кратковременное (несколько минут) и очень энергоемкое состояние, которое обобщенно можно назвать эмоциональным «взрывом», возникающим в экстремальных условиях, при неспособности субъекта найти адекватный выход из сложившейся ситуации. В его основе лежит внутренний конфликт, порождаемый противоречиями

---

¹Побегайло Э.Ф. Борьба с тяжкими насильственными преступлениями и роль органов внутренних дел в ее осуществлении. — М., 1988. — С. 32.

между влечениями, стремлениями и желаниями или же противоречиями между требованиями, предъявляемыми человеку (также самому себе), и возможностями их выполнить¹.

При состоянии аффекта наблюдается диффузность переживания: аффект захватывает личность целиком, ее ум, чувства и волю. Обладая свойствами доминанты, он тормозит не связанные с ним психические процессы и навязывает некий стереотипный способ «аварийного» разрешения ситуации (оцепенение, бегство, агрессия). Аффект характеризуется экзальтированностью, всеохватностью и подавляющим действием на психику человека, что искажает отражательные и контрольные функции. Сознание в таком состоянии сильно дезорганизуется: нарушается внимание, мотивы поведения не осознаются, цели не конкретизируются (кроме находящихся в непосредственной связи с побуждениями), крайне активизируются импульсивные действия, которые имеют лишь общую направленность. Побуждающим фактором деятельности здесь является то чувство, которое всецело захватывает человека. Обобщенно его можно назвать чувством возмущения сложившейся ситуацией.

Сниженный сознательный контроль за поведением способствует нарушению субординации личностных установок: при аффекте деформируются правовые установки индивида, даже основные из них, которые составляют его жизненную позицию. Человек решается на совершение любого (даже противоправного) поступка, лишь бы он избавил его от столь сильно травмирующего раздражителя. Вследствие ослабления волевой регуляции нарушается важнейший принцип в поведении — его избирательность. Действия становятся автоматическими и стереотипными, отличаясь силой (обратно пропорциональной степени их сознательности) и

---

¹Краткий психологический словарь / Под ред. А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского. — Ростов н/Д, 1998. — С 26.

многократностью, что может быть ошибочно принято за «особую жестокость».

Зачастую наблюдается неопределенный и косвенный умысел действий при аффекте. Внезапность реализации умысла в короткий промежуток времени, случайность выбора орудий правонарушения, хаотичность наносимых ударов — все это свидетельствует о том, что в таком состоянии лицо смутно осознает характер совершаемых действий и еще более смутно предвидит наступление общественно опасных последствий, что исключает стремление к ним в виде их желания. Следовательно, за преступления в состоянии аффекта должна следовать меньшая ответственность.

Аффект — это реакция, которая возникает в результате уже совершенного действия или поступка и выражает собой его субъективную эмоциональную окраску с точки зрения того, в какой степени в итоге совершения данного поступка удалось достичь поставленной цели, удовлетворить стимулировавшую его потребность. Иными словами, аффект не предвосхищает событие, а сдвигнут к его концу, возникает постфактум, то есть после наступления значимых для субъекта обстоятельств или осознания тяжести их последствий, в результате воспоминаний о травмирующем событии (следовой аффект) или вследствие накопления чувств (кумулятивный аффект).

В состоянии аффекта страдает, прежде всего, тормозной процесс, возбуждение начинает беспорядочно распространяться в подкорковые образования, которые приобретают определенную автономию, что выражается в бурных примитивных реакциях «Человек выявляется своими инстинктами, какой он есть, без социальной покрывки при помощи больших полушарий». Подкорка активизируется и уже начинает влиять на корковые процессы, в результате всего этого человек начинает терять самообладание и, наконец, полностью отдается охватывающему его сильному чувству.

Субъективно аффект переживается не как имманентно присущее свойство психики, а как состояние, навязанное индивиду извне. В отличие от простых эмоций, он возникает внезапно, помимо воли, захватывая человека врасплох

1.3 Установление видов аффекта в российской правовой науке

В психологической и правовой литературе в данное время изображено четыре вида физического аффекта:

- а) классический;
- б) кумулятивный;
- в) аффект на фоне алкогольного опьянения;
- г) отсроченный (отложенный) аффект¹.

Классический физический аффект распознавался в качестве основы аффектированного правонарушения в российском криминальном законодательстве еще с XIX в. – даже раньше, чем патологический аффект. Кумулятивный аффект как результат продолжительной психотравмирующей обстановки, определённой регулярным противозаконным или безнравственным поведением пострадавшего, был зафиксирован в качестве начала уголовно-правового аффекта в работающей редакции УК РФ. Судебная практика пошла по дороге непризнания аффекта на фоне алкогольного опьянения причиной для использования к виноватому привилегированных составов, что отвечает духу российского криминального законодательства, не предусматривающего алкогольное опьянение как причину для ослабления криминальной ответственности и кары.

---

¹Будякова Т.П. Виктимологические аргументы в пользу легализации отложенного (отсроченного) аффекта // Основные направления модернизации криминологической науки. – 2014. – № 2. – С. 16-22.

Одной из проблем, затрудняющих легализацию отложенного (отсроченного) аффекта в криминальном законодательстве, является разброс в постижении сути этого вида аффекта. С виктимологической точки зрения легализован должен быть лишь та версия отложенного аффекта, который был порождён негативным поведением пострадавшего, при соглашении, что упрекаемый в аффектированном правонарушении был определён в такие же психологические рамки, как и упрекаемый в правонарушении, произведенном в состоянии классического аффекта. Можно выделять три версии аффекта, наступающих по виктимологической композиции к отсроченному аффекту. Так, аффект, начинающийся в миг физиологического отсутствия виновника аффекта, можно назвать «аффектом отсутствия». Кроме того, можно выделить по крайней мере еще два вида отложенного аффекта: «насильственно угнетённый аффект» и «аффект родом из детства». «Аффект отсутствия» возникает в момент, когда вторичная жертва преступления узнает о деянии виновного лица, например, об убийстве им родных вторичной жертвы, но из-за отсутствия виновного в пределах досягаемости для вторичной жертвы во время получения информации о произошедшем аффект не может разрядиться. Дальше мысли об аффективном событии оставляются на периферию разума, а образовавшаяся у вторичной жертвы психотравма работает по законам аффективного личностного комплекса¹. Порядок деяния аффективного личностного комплекса такой: аффект возобновляется в моменты напоминания об аффективном событии или встречи жертвы с виноватым. При встрече с правонарушителем может быть совершение аффектированного правонарушения. «Аффект отсутствия» при подобном подходе – это обстановка, когда аффективное состояние есть, но особа, виновное в организации аффектогенной обстановки, не достигаемо для аффективной

---

¹Юнг К.Г. Лекции по аналитической психологии. – М.: Мартис, 1995. – С. 11.

разрядки. Характерный пример – убийство Виталием Калоевым диспетчера Skyguide Петера Нильсена на пороге его дома в г. Клотен через полтора года после авиакатастрофы, в которой погибла семья В. Калоева.

«Аффект отсутствия» появился в час розыска пропавших после авиакатастрофы, в котором участвовал В. Калоев. Потом завязался несанкционированный поиск вторичной жертвой виновника катастрофы, закончившийся его убийством. По нашему взгляду, в первую очередь собственно к обстоятельствам отсроченного аффекта причисляются советы знакомых психологов В.К. Вилюнаса и С.Л. Рубинштейна по профилактике аффектов. Так, В.К. Вилюнас считал, что проявления, содержание и характер аффектов могут модифицироваться, к примеру, под воздействием развития и самовоспитания. Аккумулированные аффекты могут искореняться с помощью психологических методов, к примеру, метода их «канализации»¹. По С.Л. Рубинштейну, «вопрос должен устанавливаться не так: одолевайте – невесть как – уже захвативший вас аффект, и вы не пропустите безответственного аффективного действия как наружного формулирования внутри уже в оконченном виде оформившегося аффекта; а скорей так: не давайте появившемуся аффекту пробиться в область воздействия, и вы одолеете свой аффект, сбросите с появляющегося в вас эмоционального состояния его аффективный характер»².

Одна из насущных проблем в теории уголовно-правового аффекта – как обосновать, что человек мог, хоть и односторонне, но все же распоряжаться собой в состоянии аффекта? Одним из средств доказывания в подобных случаях является судебно-психологическая экспертиза аффекта. Вместе с тем производство судебно-психологической экспертизы аффекта предполагает психологическое обследование, сущность которого – в обнаружении в

---

¹Психология эмоций. Тексты / Под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 221.

²Рубинштейн С.Л. Указ.соч. – С. 491.

конкретном действии признаков, свойственных физическому аффекту. При этом экспертное изучение должно основываться на психологическую теорию аффекта. В свою очередь, психологическая теория аффекта должна обосновываться на опытным научном исследовании аффектов. Подобного научного опытного изучения в психологии никто не проводил по ясным моральным ограничениям. Так, никто не изучил вопрос о том, может ли человек истинно себя задержать в обстановке аффекта. Есть только рассуждения по этому поводу С.Л. Рубинштейна и В.К. Вилюнаса, на которые ссылаются эксперты-психологи. Но ни С.Л. Рубинштейн, ни В.К. Вилюнас никогда в жизни не проводили научного опытного исследования аффектов. Они лишь сообщили свое соображение по этому вопросу в учебниках и монографиях. Характерно, что, к примеру, и в одной из фундаментальных работ по судебной психологической экспертизе также вместо проведение исследования данного вопроса попросту производится ссылка на совокупное суждение юристов, психологов и психиатров. Но суждение в научной психологии не может приживаться как обоснованная правда, потому что психология – это опытная наука, она вызывает объективных свидетельств всякого суждения. Одновременно психолог-эксперт В.А. Кудрявцев пишет о том, что во время физического аффекта отсоединяется волевая регуляция (т.е. субъект не может распоряжаться своими поступками) и действует

Лишь предельно редуцированная критичность¹. По правилам Уголовного кодекса РФ вменяемое лицо должно не только понимать действие, но и распоряжаться собой (ст. 21). При присутствии лишь одного из двух этих обстоятельств нельзя говорить о вменяемости: оба условия должны быть определены и обоснованы в совокупности. Кроме того, по суждению С.Л. Рубинштейна, завязавшийся аффект почти нельзя остановить, а начинается

---

¹Кудрявцев И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. – М.: Юрид. лит., 1988. – С. 67.

он по типу взрыва, т.е. внезапно. О какой сознательной, хоть и узкой регуляции своих воздействий тогда можно говорить в подобных случаях? К месту, как было подмечено выше, говорить о ре-функции разума только при «аффекте отсутствия». Принося разъяснение оснований аффективного взрыва у одного из упрекаемых, самый известный советский психолог-эксперт М.М. Коченов верно заметил, что одной из важнейших оснований аффекта стало «неумение канализировать аффект». И это не личное замечание по частному делу, а принципиальный подход к постижению психологических приспособлений предостережения аффективного взрыва. Вероятно, что вопрос надо устанавливать не так: «Мог ли человек распоряжаться собой в состоянии аффекта?», а по-иному: «Был ли он склонен к обстановке аффекта в принципе, научился ли человек в своей жизнедеятельности канализировать энергию аффекта?» Ведь в действительной нынешней жизни люди не так уж редко переживают состояние аффекта, только он не оканчивается убийством или нанесением урона здоровью, а ограничивается, обычно, словесным оскорблением или оскорблением некриминальным деянием. Человека, произведшего аффектированное правонарушение, по существу, можно обвинить только в том, что он как возможный правонарушитель не научился замедлять или канализировать проявления своих сверхсильных эмоций, хотя мог и должен был бы, поэтому и содержанием субъективной стороны аффектированного правонарушения является вина в не разработке стратегий личного поведения в преступных обстоятельствах. Всё же в кое-каких происшествиях можно даже устанавливать вопрос о присутствии вменяемости вообще при совершении правонарушения в состоянии физического аффекта, к примеру, в обстановке двух прочих видов отложенного аффекта – «насильственно усмирённого аффекта» и «аффекта родом из детства». «Насильственно угнетённый аффект» – это сверхсильное мучение, определённое, к примеру,

деяниями изверга, когда он не отдает своей жертве выбросить аффективную реакцию противозаконным способом, так как целиком проверяет все такого рода деяния жертвы. Но при этом «насильственно угнетённый аффект» сохраняет в психике жертвы крепкий аффективный отпечаток. Так, при неслужебных взаимоотношениях в армии жертва часто не может справиться своим извергам из-за того, что те сильнее, и вытесненный аффект делается источником психотравмы. Если использовать рядовые формальные меры квалификации поступков, то указанное действие не подпадает под аффектированное правонарушение, так как продолжительная психотравмирующая обстановка разрешилась в связи с демобилизацией, унижения закончились. Со стороны пострадавшего не было провоцирующих поступков в виде безнравственного или противозаконного поведения. Однако тут не было и умысла на убийство по мотиву мщения. Виноватый не предпринимал никаких особых деяний для мщения, не разыскивал встречи со своим извергом. Случайная встреча стимулировала усиление посттравматического стрессового расстройства, сложившегося у виноватого под воздействием унижений в армии. Как верно наблюдал М.М. Коченов, «присутствие конфликтной обстановки является непременным, но недостаточным условием для возникновения аффекта. Иное условие – комплекс неизменных индивидуально-психологических особенностей лица». К индивидуально-психологическим особенностям, предрасполагающим к аффектам, надлежит причислить и присутствие посттравматического стрессового расстройства у лица, в особенности если аффект возбуждается виновником создания психической травмы.

Вероятно, что увеличение виктимологической составляющей криминального закона вызывает расширения списка условий, учитываемых при квалификации аффектированных правонарушений, к примеру, подключения добавочного квалифицирующего знака «насильственно

угнетённый аффект», отягощенного условием, что актуализация этого вида аффекта случилась по вине пострадавшего.

«Аффект родом из детства» – это эмоциональный взрыв, определённый пониманием гнёта правонарушения или тяжести его повзрослевшей жертвой. Жертва при этом сама не могла готовить себя к мгновению понимания бремени случившегося, так как не располагала для этого в силу возраста психологическим ресурсом. Речь, к примеру, идет о малолетних жертвах изнасилования и насильственных воздействий сексуального характера.

Уголовно-правовой аффект в общем случае характеризуется тем, что виктимологическая угроза в первую очередь направлена против преступника-жертвы (по классификации Д.В. Ривмана), т.е. жертвой может стать преступник, совершивший преступление в отношении того лица, которое теперь отвечает ему также преступлением¹. При отсроченном аффекте эта угроза возникает не неожиданно, как в случае классического физиологического аффекта. Так как аффект просто отсрочен, основы для него уже выработаны. Возможная жертва отсроченного аффекта уже ведаёт (не может не знать), что есть его личная настоящая жертва (назовем ее исходной жертвой), которая его ненавидит и воспринимает с увеличенной враждебностью. Именно злоумышленник-жертва в такой обстановке ответственен за снабжение личной безопасности. У него есть предпочтение виктимологических средств защиты: от заключение мира с человеком, который по его вине стал жертвой, до принятия критериев в целях избегания встречи с отправной жертвой.

Особенностью отсроченного аффекта является также то, что предостережение аффектированного правонарушения со стороны злоумышленника-жертвы пособит и отправной жертве избежать совершения аффектированного правонарушения. Если злоумышленник-жертва таких мер

---

¹Ривман Д.В. Криминальная виктимология. – СПб.: Питер, 2002. – С. 33.

не предпринимает, а со стороны отправной жертвы приняты меры, то отправная жертва в случае совершения правонарушения в логике «насильственно усмирённого аффекта» или «аффекта родом из детства» должна отвечать по правилам, предусмотренным для привилегированных составов, или не отзываться вообще, так как регуляция в таких случаях почти неосуществима.

При квалификации криминально-правовых аффектов значительным признаком является интервал времени между предложением к правонарушению и аффективным взрывом. Наверное, что чем больше времени проходит со времени возникновения предлога для аффективного взрыва до времени совершения правонарушения, тем больше вероятность регулятивного влияния на поведение.

Кроме того, сам процесс убийства или нанесения тяжёлого или среднего урона здоровью вызывает иногда назначенного периода, в течение которого человек может понять социальную тяжесть своего поведения и возобновить волевую регуляцию своих поступков. Поэтому при экспертизе физического аффекта существенно обнаружить и время, в течение которого реализовывалось криминальное действие. Если кончина пострадавшего или результаты в виде тяжёлого или средней тяжести урона настали сразу же после аффективного взрыва, то, наверное, нельзя утверждать о вероятности волевой регуляции поведения причинителем кончины. Только при двух преходящих обстоятельствах – присутствие интервала времени между предложением для аффективной реакции и правонарушением и не одномоментность кончины или наносящих урон здоровью влияний на пострадавшего – можно предварительно говорить о присутствии физического аффекта. А далее уже можно обсудить вопросы о том, сколько кратким должно быть это время, как это производится в правовой литературе.

Следовательно, два вида отложенного аффекта – «насильственно удручённый аффект» и «аффект родом из детства» – должны быть учтены законодателем в качестве условий, воздействующих на квалификацию действия, произведенного в состоянии аффекта. Это увеличит виктимологическую защищенность жертв принуждения, которые по своим личным особенностям сначала не могут противостоять покушениям более сильного в физиологическом отношении злоумышленника, а когда силовое соотношение изменяется, объективно не могут справиться с собой, и аффект спонтанно актуализируется при виде аффектора, особенно если его поведение воспринимается как провоцирующее.

2 КВАЛИФИКАЦИЯ АФФЕКТИРОВАННЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (СТ. СТ. 107, 113 УК РФ)

2.1 Понятие и признаки преступлений, совершаемых в состоянии аффекта

Объектом покушения при убийстве, произведённом в состоянии аффекта, является жизнь ни какого-то человека, а человека, который выступает в структуре криминального действия совсем не конечную роль. Подобная роль, которую преступный закон (ст.107 УК РФ) отводит поведению пострадавшего как обстоятельству, вызывающему состояние «оправданного» аффекта повинного в процессе совершения правонарушения, обязывает более сильно, чем по всякой иной категории дел, изучить субъект самого пострадавшего. Именно на жизнь этого лица покушается виноватый, нанося ему смерть.

Аффект, в состоянии которого происходит данное правонарушение, прямо связывается с определенным неправомерным или безнравственным поведением пострадавшего: принуждением, измывательством или тяжёлой обидой либо иными противозаконными или аморальными поступками (пассивностью), а также продолжительной психотравмирующей обстановкой, которая начинается в связи с систематичным противозаконным или аморальным поведением пострадавшего. Подобные воздействия (пассивность) должны быть произведены субъектом, на жизнь которого покушается правонарушитель, именно такие поступки (пассивность) пострадавшего являются нужным непременно условием возникновения аффекта повинного в анализируемом правонарушении.

Действия (пассивность) субъекта, которое в результате покушения повинного на его жизнь становится потерпевшим, должны быть по смыслу

закона не всякие, а во-первых, достаточно сильными раздражителями, которые способны вызвать аффективное состояние у виновного; во-вторых, неправомерными или аморальными, свидетельствующими об извинительном характере возникшего аффекта; в-третьих, обстоятельствами, выступающими в качестве непосредственного повода возникновения аффекта и совершения в этом состоянии преступления.

В анализируемом правонарушении имеется особенный пострадавший, ни какой-то случайный по собственному характеру или избранный в качестве такого правонарушителем по каким-то собственным представлениям, а лицо, которое из-за своего обусловленного поведения в отношении виноватого делается пострадавшим (жертвой) криминального покушения.

Особенность объективной стороны убийства в состоянии аффекта содержится в том, что оно может быть произведено только путем энергичных поступков. Это объясняется тем, что появившемуся и моментально прогрессирующему аффекту всегда нужна разрядка, и он находит ее в поступках, состояние покоя во всех проявлениях аффекта исключается. Стало быть, произвести убийство в состоянии аффекта путем пассивности нельзя, т.к. психологическая натура аффекта такова, что ему во всяком случае требуется незамедлительная «разрядка в поступках». Сообщая о подобном качестве аффекта, как его неожиданность возникновения, надо заметить, что такая неожиданность может не распространяться на криминальные поступки субъекта, производимые им в состоянии аффекта. Неожиданность при возникновении аффекта не надлежит анализировать только лишь как незамедлительную ответную реакцию на негативное поведение пострадавшего. Разрыв во времени между возникновением аффекта и мигом убийства вероятен, но при обязательном условии оставления в этот этап времени состояния аффекта у повинного. Неожиданность является одним из важнейших, неотъемлемых примет,

характеризующих аффект, а не начало совершения криминальных поступков. Рассмотрение криминальных дел изучаемой категории обнаружил, что около 30% составили случаи, когда повинный, находясь прямо под воздействием аффекта, производит перед убийством разнообразные поступки. К примеру, спешит в свою квартиру или смежную комнату, чтобы схватить оружие правонарушения, травит пострадавшего, пробирается в дом, совершает выстрелы и т.п.

Криминальным итогом при совершении убийства в состоянии аффекта является кончина человека. В предоставленном случае объектом покушения является не только жизнь человека как биологическая основа его существования, но и коллективные взаимоотношения, с которыми человек был объединён при жизни. Потому криминальный закон бережёт человеческую жизнь, не только как биологическое явление (от природы предоставленное человеку благо), но и как коллективную ценность.

Из всех нездоровых результатов, наносимых покушением на жизнь человека, исключительно одно, а именно приход кончины человека, является частью объективной стороны убийства. Такое следствие имеет вещественную природу, оно максимально метко и определено — кончину пострадавшего. Ненаступление такого результата выключает признание убийства законченным.

При совершении убийства в состоянии аффекта, неправомерные (безнравственные) воздействия (пассивность) пострадавшего являются нужным условием возникновения аффекта у повинного. Это отмечает, что при тех фактических условиях, которые имели место в реальности, такое условие было нужно для прихода соответственного итога, без него этот итог не настал бы.

Состояние аффекта и последующие воздействия повинного являются ответной реакцией на неправомерное поведение пострадавшего. Именно

поэтому конечное является нужным основанием для возникновения у правонарушителя аффекта, под воздействием которого он производит криминальное покушение на жизнь иного субъекта, т.е. пострадавшего. Не будет незаконных поступков (или пассивности) пострадавшего в отношении виноватого или его близких, не будет и аффекта (как конструктивного элемента состава правонарушения), а, следовательно, и не будет криминальных воздействий повинного, которые происходят им под воздействием последнего.

Стало быть, в анализируемом правонарушении только неправомерные воздействия (пассивность) пострадавшего являются нужной причиной для возникновения состояния аффекта, а не какие-нибудь иные поступки или явления окружающей реальности.

Особенную важность при определении состояния аффекта повинного играет ситуация, т.е. обстоятельства, при которых было совершено убийство пострадавшего. Как уже сообщалось, аффект как конструктивный элемент состава правонарушения начинается под влиянием особенной ситуации, которую можно назначить как конфликтную обстановку, в которой, в свой черед, особенное место занимает противоправное (безнравственное) поведение пострадавшего. Подобная острая эмоционально окрашенная ситуация отыскивает свое разрешение в криминальном покушении, которое творится в аффективном состоянии.

Показательно, что в качестве орудия или средства преступного посягательства, как правило, используются предметы, специально не предназначенные для причинения смерти, преимущественно предметы бытового назначения, а именно: ножи (применялись в 35% случаев, из них: перочинный — 18%, столовый — 11%. сапожный — в 4%. консервный — в 2% случаев, шило — в 2% случаев) охотничье ружье — в 2% случаев, а также такие предметы, как топор, отвертка, камень, палка, галстук, брючный

ремень, разнообразного рода металлические предметы. Причем в более чем половине случаев повинный удерживал в руках или таскал с собой предмет, ставший орудием или средством совершения правонарушения, в 13% — выдёргивал из рук пострадавшего и в прочих случаях брал то, что попадало под руку. Подобные данные подтверждают о том, что способ покушения и характер употребляемых повинным орудий и средств совершения убийства являются условиями, характеризующими наравне с иными беспристрастными приметам психическое состояние повинного и исполняющими роль своеобразных доказательств аффекта.

Содержание и уровень вины в правонарушении, предусмотренном ст.107 УК РФ, во многом зависят от особенностей конфликтной обстановки, определённых ими особенностей состояния виноватого в миг возникновения и до осуществления криминального умысла, характера и особенностей криминального поведения, так как возбуждённый неправомерными поступками (пассивностью) пострадавшего аффект накладывает след на всю деятельность виноватого. Умысел на убийство очень близко объединён с состоянием аффекта, что дало причину называть такой умысел в теории криминального права «аффектированным». Последний начинается в состоянии аффекта, а, следовательно, и внезапно, как и само это состояние, и должен быть реализован незамедлительно — не обязательно «немедленно» или «сейчас же», но важно, чтобы еще в состоянии аффекта, до его окончания. Стало быть, состояние аффекта должно сопутствовать как выработывание, так и осуществление криминального умысла. Выработывание мотива и умысла на совершение правонарушения проходит всегда, непредвиденно и стремительно, хотя и не так быстро, как начинается аффект, но обязательно вслед за неправомерным (или безнравственным) поведением пострадавшего и прямо под воздействием начавшегося аффекта. Когда за полагаемым аффектом укрывается обдуманная подготовка к

заблаговременно обдуманному убийству, такое правонарушение не может квалифицироваться по ст.107 УК РФ. Отличительной особенностью аффектированного умысла является то, что он начинается под постоянным, все усиливающимся до напряжённой точки волнения нажимом эмоций и в этом смысле носит заставленный характер. Оригинально меня разум и преломляя волю виноватого субъекта, аффект «принуждает» его разрешать и поступать неадекватно влиянию внешнего предложения и иным обстоятельствам конфликтной обстановки.

Сужение области восприятия и расслабление самоконтроля, именно, и служат причинами ослабления криминальной ответственности за правонарушение, совершенное в состоянии аффекта. При этом аффектированный умысел может анализироваться как ослабляющее ответственность обстоятельство не сам по себе, не автономно, а как часть субъективной стороны правонарушения, которое замыслено и осуществлено в состоянии «оправданного» аффекта. Разрешающее значение, следовательно, имеет не столько неожиданный, сколько аффективный характер этого умысла и породившие его условия.

По поводу особенной природы умысла, начинающегося прямо под действием аффекта в теории криминального права особых разночтений и взглядов нет. Тезис о том, что анализируемое убийство происходит с аффектированным умыслом, является в литературе общепризнанным. Всё же вопрос о том, какой облик умысла характерен для аффектированного убийства, остается в уголовно-правовой литературе до сих пор неразрешенным, потому что суждения ученых по этому вопросу многообразны и каждая точка зрения довольно обоснована с точки зрения психологии.

Официальной точкой зрения является то, что убийства могут быть произведены в состоянии аффекта как с открытым так и с косвенным умыслом.

Но завоевывает интереса еще одна точка зрения по вопросу о том, какой умысел характерен для убийства в состоянии аффекта, содержится в следующем. Отношение виноватого к своим поступкам, которые происходят с целью нанесения какого-либо физического урона пострадавшему, характеризуется открытым умыслом. Это разъясняется тем, что виноватый, находясь в состоянии аффекта, хочет и старается, во что бы то ни стало нанести урон «обидчику». В этом состоянии виноватый способен пересилить большие преграды к поражению цели — нанести урон всякого характера, отплатить за причиненную обиду. В состоянии интенсивного волнения виноватым движет аффект, которому нужна «разрядка в деянии», в этот миг виноватый не думает о том, какой конкретный урон он желает нанести пострадавшему, а тем более не думает и не сознает какие последствия могут настать от подобного урона. Его поступки носят характер «аффективной разрядки», свершая их, виноватый желает приобретать известное облегчение и даже удовлетворение от самого факта причинения потрясений или ран обидчику. Иными словами, нанося какой-нибудь урон пострадавшему, виноватый в мгновение аффективной вспышки, поглотившей его полностью, преследует цель приобрести удовлетворение оттого, что он отплатит обидчику за причиненное ему или его ближним «зло». В таких случаях виноватого целиком поглощает аффект гнева (ярости)¹.

Однако же при этом виноватый не думает о тех результатах, которые настанут от его влияний. Это указывает на тот факт, что он неясно соображает характер самих поступков, производимых в порыве бешенства,

---

¹Немтинов Д.В. Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта. Проблемы квалификации // Вестник Тамбовского университета. – 2011. – № 11. – С. 382-388.

злости на обидчика и тем более не может чётко и явственно соображать, что настанет от подобных его поступков. В состоянии аффекта виноватому просто безразлично то, что настанет потом, ему значителен сам факт причинения потрясений или ран пострадавшему как мщение за нанесенную обиду. Говорить о жажде кончины пострадавшего в таком состоянии кажется ошибочным. От чего относительно результатов умысел виноватого может быть не иначе как косвенный.

Так, В.В. Яценко с 2009 г. сожительствовал с ФИО8, в 2010 г. у них родилась дочь ФИО6.

В некоторый этап времени В.В. Яценко отбывал наказание в исправительном учреждении Челябинской области по приговору Миасского городского суда от 20 июля 2010 г. совместно с ФИО7.

В период отбывания наказания ФИО7 посредством телефонных переговоров познакомился с ФИО8, с которой на протяжении длительного времени стал поддерживать отношения, в связи с чем между В.В. Яценко и ФИО7 сложились неприязненные отношения.

После освобождения в июле 2012 г. из исправительного учреждения ФИО7 стал сожительствовать с ФИО8, о чем стало известно В.В. Яценко. Указанное систематическое аморальное поведение ФИО7, способствовавшее прекращению фактически сложившихся семейных отношений между В.В. Яценко и ФИО8, создавало для В.В. Яценко длительную психотравмирующую ситуацию.

В ночное время ФИО7, находящийся в состоянии алкогольного опьянения, встретил ФИО8, находящуюся в состоянии алкогольного опьянения. На этой почве между ФИО7 и ФИО8 возникла ссора, в ходе которой ФИО7 нанес удар рукой в голову ФИО8, о чем ФИО8 по телефону сообщила В.В. Яценко.

Через непродолжительное время, около 22-23 часов В.В. Яценко, находящийся в состоянии легкого алкогольного опьянения, прибыл к дому в г. Златоусте Челябинской области, где между ним и ФИО7 на почве ранее

возникших неприязненных отношений, произошла ссора, в ходе которой В.В. Яценко нанес удар рукой в голову ФИО7, причинив ушибленную рану мягких тканей лица в области левой брови, а потерпевший, применяя насилие, не опасное для жизни и здоровья, нанес один удар имеющейся при нем отверткой в грудь В.В. Яценко, причинив рану мягких тканей передней поверхности груди слева в проекции тела грудины на уровне вырезки 4-го ребра между срединной и около грудинной линиями, не проникающую в грудную полость, не повлекшую за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности, расцениваемую как вред здоровью не причинившую. После этого, В.В. Яценко, находясь в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного длительной психотравмирующей ситуацией, насильем, противоправным и аморальным поведением ФИО9, решил убить потерпевшего.

С этой целью В.В. Яценко вооружился имеющимся при себе ножом и приисканной на месте происшествия отверткой и, действуя умышленно, с силой нанес ФИО7 указанными ножом и отверткой множество, не менее четырнадцати ударов в жизненно-важные части тела человека – голову, шею и грудную клетку потерпевшего, и не менее четырех ударов указанным ножом в область левой верхней конечности, от которых ФИО7 упал на землю. От причиненной В.В. Яценко колото-резаной раны мягких тканей передней поверхности шеи слева на уровне средней трети в щитовидной области, проникающей в гортань, с повреждением щитовидного хряща, правой общей сонной артерии и правой внутренней яремной вены ФИО7 скончался на месте происшествия через непродолжительное время, а В.В. Яценко с места преступления скрылся, но был задержан сотрудниками полиции¹.

---

¹Дело № 1-659/2012 Златоустовского городского суда Челябинской области // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zlatoust.chel.sudrf.ru/>

Психическое состояние виноватого действует не только на умысел в миг совершения правонарушения, но и устанавливает мотив и цель аффектированного убийства.

Мотив анализируемого правонарушения вынашивает ситуационный, нетвёрдый, недолговечный характер. При этом процесс его постижения виноватым свернут и, как правило, ограничивается актуализацией потребностей, детерминируемых конфликтной обстановкой. Мотив в подобных случаях начинается неожиданно и тут же возбуждает умысел, обнаруживая важнейшее воздействие на его динамику и осуществление.

Господствующим мотивом при совершении убийства в состоянии аффекта является мотив мщения, который полагает «сознательное нанесение зла, неприятностей с целью отомстить за обиду, оскорбление или мучения». Мотив мщения вызывается самой конфликтной обстановкой между виноватым и пострадавшим, он следует из ошибочного разрешения такого конфликта. Мотив этот начинается на почве внешнего предлога, но сам этот предлог не может выдаваться в роли мотива человеческого поведения. Всё же надо заметить, что хотя мотив мщения сам по себе причисляется к числу низких побуждений, в анализируемых случаях он носит прощительный характер, так как во многом определён противоправным (либо безнравственным) поведением пострадавшего и возбуждённым им состоянием аффекта.

Основным дополнением в ст. 107 УК РФ по сопоставлению с предшествующим законом явилось суждение «безнравственное деяние (пассивность) со стороны пострадавшего». В разуме большинства членов общества всегда были безнравственными измена, ложь, распутство и прочее. В связи с этим аффект может быть порожден, к примеру, несомненным фактом супружеской неверности. Новая редакция нормы пропускает вероятность постепенного нагнетания психотравмирующей обстановки, возбуждённой противоправным или безнравственным поведением

пострадавшего. Воспроизведение психотравмирующих условий ведет к аккумуляции аффекта. Прямым предлогом для его возникновения могут оказаться очередное или вторичное принуждение, тяжёлое оскорбление или иные противозаконные или безнравственные поступки пострадавшего.

Приведем несколько примеров.

Так, Газизова Н.В. находилась в своей квартире вместе со своим мужем Г.Р.Р., находящимся в состоянии алкогольного опьянения. В указанное время и в указанном месте потерпевший Г.Р.Р. спровоцировал ссору с подсудимой Газизовой Н.В., выражаясь в ее адрес непристойными словами, унижая ее человеческое достоинство, схватив при этом руками за шею, в результате чего Газизовой Н.В., причинена ссадина передней поверхности шеи слева.

Противоправное и аморальное поведение Г.Р.Р. привело к возникновению и резкому росту эмоционального возбуждения у Газизовой Н.В. трехфазности динамики развития эмоционального процесса, наличию на высоте эмоционального взрыва специфических изменений психической деятельности с доминированием аффектогенной мотивации, снижению самоконтроля и произвольной регуляции поведения, наличию постаффективной фазы физической и психической астении, а также несвойственному личностной структуре под экспертной проявлению грубой brutальной агрессии, как способа разрешения конфликтных ситуаций. У Газизовой Н.В. во время совершения Г.Р.Р. этих противоправных и аморальных действий внезапно возникло состояние сильного душевного волнения (аффекта), вызванное применением насилия со стороны Г.Р.Р.

В период времени, более точно время не установлено, Газизова Н.В. находилась в своей квартире, где у нее, находящейся в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), возник преступный умысел, направленный на причинение смерти Г.Р.Р. В осуществление своего преступного умысла, Газизова Н.В., здесь же в квартире вооружилась кухонным ножом и, находясь в состоянии внезапно возникшего сильного

душевного волнения (аффекта), умышлено нанесла потерпевшему Г.Р.Р. один удар ножом в шею.

Преступными действиями Газизовой Н.В. потерпевшему Г.Р.Р. причинено слепое, проникающее колото-резаное ранение правой надключичной области, с повреждением мягких тканей правой надключичной области, правой подключичной артерии, хрящей трахеи и проникающее в просвет трахеи, осложнившееся острой кровопотерей, правосторонним гемотораксом, аспирацией крови, малокровием мягких тканей и внутренних органов, отеком головного мозга, повлекшее за собой тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни и находящееся в причинно-следственной связи с наступлением смерти Г.Р.Р. от которого потерпевший скончался на месте происшествия.

Суд первой инстанции квалифицировал действия Газизовой Н.В. по ч. 1 ст. 107 УК РФ¹.

Суд второй инстанции оставил приговор суда первой инстанции без изменения².

Цель, как и мотив данного правонарушения, носит сугубо ситуационный характер, она генерируется конкретной конфликтной обстановкой. Виноватый, находясь в состоянии аффекта, преследует цель — нанести урон обидчику, отплатить за нанесенное ему зло, обиду. Подобная криминальная цель вызывается прямо самим аффектом и под его влиянием.

Ст. 113 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или

---

¹Дело № 1–65/2014 Копейского городского суда Челябинской области // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kopeysk.chel.sudrf.ru/>

²Дело № Ю–2661/2014 Челябинского областного суда // [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.chel-oblsud.ru>

аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

Нужным условием для ответственности по ст. 113 УК является неожиданность интенсивного внутреннего волнения. Умысел на нанесение урона здоровью также начинается неожиданно. Следовательно, сооружая вывод по анализируемому вопросу, подметим, что состав нанесения тяжёлого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта по важнейшим объективным и субъективным приметам близок убийству, произведенному в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ). Отличие наблюдается, во-первых, в объекте, которым является не жизнь, а здоровье человека, во-вторых, в объективной стороне - результатами выступает тяжёлый или средней тяжести урон здоровью.

В следственной практике наблюдаются обстоятельства, когда субъект, находящийся в состоянии аффекта, наносит другому субъекту или нескольким субъектам тяжёлый урон здоровью, позднее у пострадавшего по истечении обусловленного этапа времени настанет смерть. Потому фактически речь идет о размежевании правонарушений, предусмотренных ст. 107 и 113 УК РФ. Октябрьским районным судом г. Самары 24 мая 2007 г. С. осужден по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Он признан виновным в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего, повлекшем по неосторожности его смерть. 28 декабря 2006 г. днем между ним и отцом С. (находившимися в своей квартире в состоянии алкогольного опьянения) произошла ссора, перешедшая в драку. В ходе драки С. выхватил нож из рук отца, который оскорблял его и угрожал, и умышленно нанес ему множественные удары руками и ногами по различным частям тела, причинив тяжкий вред здоровью, повлекший по неосторожности смерть потерпевшего. Судебная

коллегия по уголовным делам Самарского областного суда приговор оставила без изменения.

Заместитель Председателя Верховного суда РФ в протесте поставил вопрос об изменении судебных решений в связи с неправильным применением уголовного закона. Президиум Самарского областного суда 10 февраля 2008 г. протест удовлетворил, приговор и определение кассационной инстанции изменил, указав следующее. Как показал С. на следствии и в судебном заседании, его отец постоянно употреблял спиртные напитки, устраивал дома скандалы, оскорблял всех членов семьи, угрожал убийством, избивал мать. 28 декабря 2006 г., придя с работы, он застал отца дома одного в состоянии алкогольного опьянения. Тот начал его оскорблять, угрожал убийством, однако он не отвечал ему, поел, выпил водки и лег отдыхать в своей комнате. Отец продолжал угрожать и оскорблять, зашел к нему в комнату с ножом в руках. Он вытолкнул его в коридор и выбил нож, неосторожно поранив отцу руку. Затем он подобрал нож, отнес его на кухню, а сам пошел в комнату искать бинт, чтобы перевязать отцу рану, но последний неожиданно ударил его в лицо. Он, С., был сильно возбужден, не мог себя сдержать и нанес отцу несколько ударов. Отец стал кричать, что зарубит его топором, и пошел на балкон, где хранился топор. Испугавшись, он ударил отца рукой по голове, отчего тот упал. Накрыв отца одеялом, чтобы не замерз, он ушел в свою комнату. Достоверность показаний С. об обстоятельствах, при которых он избил своего отца, подтверждается материалами дела. Согласно заключению судебно-медицинского эксперта, С. в день происшествия были причинены телесные повреждения в виде ссадин скулы слева, правой руки, царапины левой руки, которые произошли от действия твердых тупых предметов. Из показаний Л. и Т. (матери и жены подсудимого) видно, что на протяжении последних двух лет потерпевший злоупотреблял спиртными напитками, систематически устраивал дома

скандалы, избивал Л., и она обращалась с заявлениями в милицию. Он постоянно оскорблял и сына с женой, угрожал сыну убийством. В связи с этим сын с семьей вынужден был уйти жить в общежитие, но их там не прописали и пришлось вернуться к родителям. Свидетели К. и О. - соседи потерпевшего, также подтвердили, что В. злоупотреблял спиртными напитками, деградировал как личность, оскорблял членов семьи, скандалил. Вывод суда о том, что оскорбления и угрозы потерпевшего в день происшествия не отличались от прежних, а потому нет оснований усматривать нахождение С. в состоянии аффекта, нельзя признать обоснованным.

По смыслу закона ответственность по ст. 113 УК РФ за причинение тяжкого вреда здоровью в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения наступает не только в случае, когда это состояние является результатом единичного неправомерного действия потерпевшего, но и тогда, когда оно - следствие неоднократных противозаконных действий потерпевшего, из которых последнее является непосредственной причиной такого состояния. С учетом изложенного содеянное С. подлежит квалификации по ст. 113 УК РФ как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием со стороны потерпевшего, а также длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным и аморальным поведением потерпевшего¹. В этой связи необходимо пойти по пути дифференциации уголовной ответственности за рассматриваемые деяния².

---

¹Постановление Президиума Самарского областного суда от 10.02.2008 г. № 2311/08 // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2008. – № 5.

²Немтинов Д.В. Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта. Проблемы квалификации // Вестник Тамбовского университета. – 2011. - № 11. – С. 385.

2.2 Отграничение преступлений, совершённых в состоянии аффекта от смежных деяний

Изучение практики применения уголовного закона, а также специальной научной литературы показывает, что у правоохранительных органов возникают существенные затруднения при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 107 УК РФ (убийство, совершенное в состоянии аффекта), ст. 113 УК РФ (причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта), а также при разграничении указанных составов с преступлениями, предусмотренными ст. 108 УК РФ (убийство, совершенное при превышении мер необходимой обороны либо при превышении мер, нужных для взятия под стражу лица, производшего правонарушение) и ст. 114 УК РФ (нанесение тяжёлого или средней тяжести урона здоровью при превышении мер нужной обороны либо при превышении мер, нужных для взятия под стражу лица, производшего правонарушение). Как в теории, так и на практике не выражена совместная точка зрения по поводу обнаружения мер или примет, разрешающих отграничивать поступки, произведенные в состоянии необходимой обороны или с превышением его мер, от поступков, произведенных в состоянии аффекта.

Правонарушения, произведенные в состоянии аффекта (ст. 107, 113 УК РФ), имеют ряд совместных примет с правонарушениями, произведенными при превышении мер нужной обороны (ст. 108, 114 УК РФ). Совместными для них являются следующие части состава правонарушения: объект, действие, проявленное в насильственном воздействии, вина, субъект правонарушения. Схожей является и ситуация совершения правонарушения, а вернее, его предлог, которым в обоих случаях выступает неправомерное

предыдущее поведение пострадавшего. Наличие значительного количества идентичных примет вызывает на практике проблемы при их размежевании.

Как заверяет судебная практика, при отграничении нужной обороны от правонарушений, предусмотренных ст. 107, 113 УК РФ, суды при принятии решений в большинстве случаев следуют таким приметам субъективной стороны этих правонарушений, как цель и мотив. Мотив правонарушений, предусмотренных ст. 107, 113 УК РФ, - это злость, обида, мщение, а цель - влечение разделаться за противозаконное поведение пострадавшего, тогда как действия, производимые при нужной обороне или превышении её мер, имеют другую мотивацию и цель. Мотив указанных поступков характеризуется тем, что они устремлены на самоустранение угрозы коллективным связям, основанной покушением, а целью является защита частных, коллективных или государственных интересов.

Размежевание между указанными правонарушениями также может быть выработано по приметам объективной стороны этих поступков.

При совершении убийства, причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта основанием для совершения таких действий является противоправное или аморальное поведение потерпевшего, направленное именно против преступника либо его близких, а при совершении указанных действий в состоянии необходимой обороны основанием служит посягательство, которое может быть направлено как против обороняющегося и его близких, так и против любых иных благ и заинтересованностей, оберегаемых законом.

Максимальные сложности начинаются при проведении отчетливого предела между поступками, когда в социально тяжёлом поведении хранятся приметы и нужной обороны, и состояния аффекта.

Характерно на этот счет криминальное дело в отношении гражданина Ш. Обстоятельства дела таковы: Ш. увидела, что ее муж в трусах лег на диван к

дочери, стал прижиматься к ней, хватал ее руками; дочь пыталась сопротивляться. Ш. схватила рюкзак, в котором была гантель, и нанесла удары по голове мужу, от чего наступила смерть последнего. Органы предварительного расследования квалифицировали действия Ш. по ст. 105, суд переквалифицировал ее действия по ч. 1 ст. 107 УК РФ. Вопрос о необходимой обороне либо превышении ее пределов не затрагивался, хотя Ш. своими действиями защищала свою малолетнюю дочь в момент совершения посягательства. Разумеется, Ш. не могла не испытать душевное волнение от увиденного, однако совершенно очевидно, что она действовала в состоянии необходимой обороны. Надлежит отметить, что подобные ситуации весьма распространены на практике: решение по делу выносится не в пользу обороняющегося. И дело здесь не столько в действующем уголовном законодательстве, сколько в практике его применения.

В другом случае один из районных судов Псковской области осудил П. за убийство К. Последний после совместного распития спиртного сделал П. предложение совершить с ним половой акт. Получив отказ, К. затащил ее в спальню, где, угрожая ножом, заставил совершить действия сексуального характера. В момент их осуществления П. схватила лежащий на столе нож и нанесла им несколько ударов потерпевшему. П. была осуждена за простое убийство. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ действия П. были переквалифицированы на ч. 1 ст. 107 УК РФ.

В описанной ситуации ни один из судов не обратил внимание на то, что при изображённых обстоятельствах может идти речь и об убийстве при превышении мер нужной обороны. Стало быть, по правилам квалификации П. нужно вменить ч. 1 ст. 108 УК РФ, так как при конкуренции особенных норм, заключающих привилегированные составы, употребляется норма, заключающая более привилегирующие условия. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. прямо указывает: «Если

оборонявшееся лицо превысило меры нужной обороны в состоянии неожиданно начавшегося интенсивного душевного смятения (аффекта), его поступки подобает квалифицировать по части 1 статьи 108 или части 1 статьи 114 УК РФ» (ч. 2 п. 15)¹.

Кроме того в качестве разграничительного признака надлежит анализировать время, в течение которого покушающемуся при нужной обороне или пострадавшему в случаях, предусмотренных ст. 107 и 113 УК РФ, наносился урон. Так, по представлению ряда авторов, совершение правонарушения в состоянии аффекта, в отличие от нужной обороны, случается после завершения противозаконного действия пострадавшего². В реальности же этот критерий не может почитаться определяющим. Аффект может начинаться как в миг реализации покушения, так и после его окончания, в частности, после понимания последствий принуждения или в итоге осмысливания информации третьих субъектов о ранее произведенном принуждении в касательстве близких. Существенный разрыв во времени, как правило, должен пропускать не только факт нужной обороны и превышение ее границ, но и факт совершения правонарушения в состоянии аффекта, так как речь идет о мщении, самосуде, расправе.

Вместе с тем в подавляющем большинстве случаев внезапную наступательную агрессию вызывает у защищающегося состояние эмоциональной нестабильности, исключает его из психического равновесия, субъект обороны, обычно, драматически переживает совершающееся. Учет данного фактора замышлен законодателем в основу правовой нормы ч. 2-1 ст. 37 УК РФ. Следовательно, можно утверждать, что в любом состоянии

---

¹Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 г. «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета. – 2012. – 3 октября. – № 227.

²Классен А.Н., Якуньков М.Л. Отграничение преступлений, совершённых при превышении пределов необходимой обороны, от преступлений, совершённых в состоянии аффекта //Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2007. – № 9. – С. 44.

нужной обороны наличествуют медико-психологические приметы аффекта, а любое состояние аффекта подсознательно устремлено на отпор захватчика. В частности эмоции гнева свойственны и тому, и иному явлению. Но морально-этическая картина анализируемых состояний разнообразна: в аффекте господствующим мотивом (мотив - это потребность, модифицированная в побуждение) является мщение и обостренное влечение к воссозданию поправленной справедливости, что исключено для нужной обороны. В соответствии с диалектикой перевода количества в качество, состояние неожиданно начавшегося интенсивного душевного волнения, свойственное обоим изучаемым институтам, в аффектированных правонарушениях играет господствующую роль, устанавливающую поведение лица, а при нужной обороне или ее эксцессе играет роль фона, не подавляющего приспособление целеполагания и рассмотрения системы ценностей предохраняющегося. Следовательно, количественные отличия одного и того же эмоционального состояния в разнообразных явлениях тянут их многообразную юридическую отметку. Сущность потребности при аффекте заключается в эмоциональной враждебной разрядке, а главной целью обороны является отображение агрессии.

Исходя из изложенного следует, что ни один из примет или критериев в отдельности не может почитаться определяющим при отграничении действий, произведенных при нужной обороне или превышении ее границ, от действий, произведенных в состоянии аффекта. Только совершенная отметка всех примет субъективного и объективного характера в совокупности с условиями конкретного дела может дать потенциал провести размежевание показанных составов правонарушений. Анализируемые свидетельства по показанным составам должны быть подкреплены экспертными изучениями в сфере психического состояния субъекта в момент инкриминируемого поступка.

В п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» сказано, что «следует отграничивать убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны (часть 1 статьи 108 и часть 1 статьи 114 УК РФ) от убийства и причинения тяжёлого вреда здоровью в состоянии неожиданно появившегося интенсивного душевного волнения (аффекта) (статья 107 и статья 113 УК РФ), получая во внимание, что для правонарушений, произведенных в состоянии интенсивного душевного волнения, характерно нанесение урона пострадавшему не с целью защиты и, следовательно, не в состоянии нужной обороны». В показанном объяснении обусловлен значительный отграничительный признак, а именно цель совершения противозаконных воздействий. При превышении мер нужной обороны субъект воздействует с целью защиты личных интересов либо интересов иных субъектов, компании или государства, в то время, как в состоянии неожиданно начавшегося интенсивного душевного волнения субъект не преследует указанную цель, а воздействует, как правило, из мщения. Так, И. Фаргиев свидетельствует, что «при размежевании рассматриваемых составов правонарушений в правовой литературе господствующее значение сообщается мотиву воздействий виноватого, рассчитывается, что при превышении границ нужной обороны и задержании субъекта, произведшего правонарушение, в качестве него выдается защита правоохраняемых интересов, тогда как при совершении правонарушения в состоянии аффекта мотивом является мщение»¹.

Имеется другое мнение, что в содержание побудительных сил лица, превышающего пределы необходимой обороны, может также входить мотив

---

¹Фаргиев И. Состояние аффекта и превышение пределов необходимой обороны. Вопросы разграничение составов // Российская юстиция. – 2001. – № 1. – С. 55.

мести, наряду с мотивом защиты, поэтому основное различие между составами преступлений, предусмотренными ст. ст. 107, 114 УК РФ и ст. ст. 108, 113 УК РФ, должно проводиться по факту оконченности посягательства со стороны потерпевшего. В п. 7 указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ на этот счет произнесено следующее: «Поступки не могут признаваться совершенными в состоянии нужной обороны, если урон покушавшемуся субъекту нанесен после того, как покушение было предупреждено, прекращено или закончено и в использовании мер защиты явно отпала нужда, что постигалось оборонявшимся лицом». Далее в этом же пункте показано, что «в целях справедливой юридической отметки таких воздействий суды с учетом всех условий дела должны выяснить, не произведены ли они оборонявшимся субъектом в состоянии неожиданно начавшегося интенсивного душевного волнения (аффекта), возбуждённого социально тяжёлым покушением». Следовательно, если будет определено, что обстоятельства наличия состояния нужной обороны отпали, то соответствующие дальнейшие противозаконные поступки субъекта, повлекшие нанесение урона или приход кончины пострадавшего, нужно запрашивать по правилам ст. 113 или ст. 107 УК РФ соответственно.

Однако в судебной практике при рассмотрении конкретных уголовных дел порой бывает недостаточно проводить грань между действиями, совершенными в состоянии аффекта или при превышении пределов необходимой обороны, по одному, отдельно взятому, признаку субъективной стороны состава в виде цели или мотива преступления либо же по единичным признакам объективной стороны состава, таким как оконченность общественно опасного посягательства. В названном выше Постановлении Пленума Верховного Суда РФ передается еще один разграничительный признак — наличие неожиданно начавшегося интенсивного душевного волнения. В том же п. 15 говорится следующее: «...

непременным признаком правонарушений, производимых в состоянии неожиданно начавшегося интенсивного душевного волнения, возбуждённого действиями пострадавшего, является нанесение урона под воздействием именно указанного волнения, тогда как для правонарушений, произведенных при превышении мер нужной обороны, этот признак (наличие аффекта) не обязателен». И в обстановке превышения мер нужной обороны, и в обстановке наличия неожиданно начавшегося интенсивного душевного волнения при совершении покушения на жизнь или здоровье пострадавшего, колоссальную роль в правовой отметке событий играет обстановка совершения правонарушения, а также поведение жертвы. В первой обстановке речь идет о наличии со стороны пострадавшего социально тяжёлого покушения, сопряженного с принуждением, не тяжёлым для жизни обороняющегося или иного субъекта (ч. 2 ст. 37 УК РФ). Кроме того, таким посягательством является совершение и иных деяний (действия или бездействия), в том числе по неосторожности, предусмотренных Особенной частью Уголовного кодекса РФ, которые, хотя и не сопряжены с насилием, однако с учетом их содержания могут быть предотвращены или пресечены путем причинения посягающему вреда (п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19). Если же присутствует покушение, сопряженное с принуждением опасным для жизни обороняющегося или иного субъекта, либо с прямой угрозой применения такого принуждения, то соответственно положениям ч. 1 ст. 37 УК РФ нанесение урона покушающемуся субъекту в состоянии нужной обороны не является правонарушением.

Так, в Постановлении по делу № 44у-878 суд надзорной инстанции удовлетворил жалобу Б. о переквалификации ее действий на ч. 1 ст. 108 УК РФ, так как «находясь в состоянии алкогольного опьянения, потерпевший избил ее, размахивал перед ней ножом, опасаясь за свою жизнь и защищаясь

от нападения, она выхватила у него нож и ударила им потерпевшего в ногу. В итоге нанесенных ей физических повреждений она 32 дня находилась на стационарном лечении, потеряла левый глаз». Из материалов дела видно, что аргументы осужденной о противозаконном поведении пострадавшего соотносятся с заключением судмедэксперта, согласно которому «у Б. показаны телесные повреждения в виде обширных массивных кровоподтеков век обоих глаз, кровоизлияния в склере левого глаза, обширной массивной гематомы лобной области, обширного массивного кровоподтека правого плеча, кровоподтека левого предплечья». В судебном заседании Б. также показала на то, что «после применения спиртного пострадавший стал читать с ее телефона сообщения, рассердившись, расколотил телефон и внезапно беспричинно стал бить ее, затем махая ножом, стал орать, что зарежет ее». Таким образом, анализ исследованных судом доказательств свидетельствует о том, что в момент избиения и угрозы ножом, осужденная, отобрав у потерпевшего нож, нанесла ему этим ножом удар в ногу, превысив тем самым пределы необходимой обороны¹. Во второй ситуации (когда наличествует внезапно возникшее сильное душевное волнение) закон альтернативно устанавливает несколько вариантов поведения жертвы: насилие, издевательство, тяжкое оскорбление, иные противоправные или аморальные действия (бездействия), продолжительная психотравмирующая обстановка, начавшаяся в связи с регулярным незаконным или безнравственным поведением пострадавшего. Сопоставляя данные положения, можно выработать вывод о наличии добавочного критерия размежевания указанных составов — вид поведения пострадавшего субъекта или характер принуждения, наносимого пострадавшим. К.В. Дядюн предлагает следующее: «Для разграничения указанных деяний целесообразно использовать следующие критерии: обстоятельства совершения

---

¹Дело № 44у-878 надзорной инстанции Верховного суда Республики Башкортостан // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vs.bkr.sudrf.ru/>

правонарушения; характер принуждения, употребленного пострадавшим; факт оконченности покушения; мотив и цель. Намеченные приметы нужно оценить в совокупности»¹. На наш взор, разумно оценить также эмоциональное состояние субъекта до, во время и после покушения. Скажем, если субъект до драматической обстановки находился в состоянии тревоги, то это обстоятельство может значительно воздействовать на его поведение в срочный миг и спровоцировать неадекватную (с точки зрения субъекта, находящегося в нормальном состоянии) реакцию.

Правоприменитель в данной обстановке должен учитывать особенности психики лица, его неизменные черты характера, темперамент, а также пребывание человека в эмоциональном состоянии беспокойства. Зацикливаясь на безнадёжности обстановки и чувствуя устойчивое давление из-за тревоги или ужаса, человек лишается способности справедливо оценить положение вещей, он приступает работать автоматически и в нестандартной обстановке теряется, даже при выполнении воздействий, казалось бы, проработанных годами. Наружно факт пребывания субъекта в беспокойном состоянии можно установить по таким приметам как напряженное выражение лица, заторможенность, уменьшённая энергичность, неадекватная реакция на наружные раздражители и многое другое. Реакция на опасность может возбуждать у человека многообразные физические чувства: дрожь, дурнота, ускоренное сердцебиение и дыхание, головокружение и многое прочее. При этом некоторые особи вообще не подвержены беспокойности, в частности, молодые люди, социально незрелые, беззаботные, иногда просто с малым степенью умственных способностей, которые располагают уменьшенными прогностическими навыками, что может повергнуть к легкомысленности или неаккуратности в действиях, что при обусловленных обстоятельствах может повлечь совершение правонарушения

---

¹Дядюн К.В. Состояние аффекта и превышение пределов необходимой обороны: вопросы соотношения и разграничения составов // Адвокат. – 2013. – № 9. – С. 17.

по неосмотрительности. Опасность в случае тревоги обычно повышается психологическими факторами, а беспомощность ещё больше усиливается касательством к ней человека. Эту закономерность важно учитывать при расследовании, когда требуется юридически грамотно оценить действия лица, находившегося в ситуации превышения необходимой обороны, крайней необходимости, в каких-либо экстремальных условиях¹. В п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19 уточняется, что «при выяснении вопроса, являлись ли для оборонявшегося лица неожиданными действия посягавшего, вследствие чего оборонявшийся не мог объективно оценить уровень и характер серьёзности агрессии (ч. 2.1 ст. 37 УК РФ), суду надлежит приобретать во внимание время, место, ситуацию и способ покушения, предшествовавшие покушению события, а также эмоциональное состояние оборонявшегося субъекта (состояние ужаса, боязни, замешательства в миг агрессии и т. п.)». К этому «... и т. п.» совершенно можно причислить состояние тревоги субъекта в миг агрессии. Важнейшее значение для правовой оценки обстоятельства может иметь эмоция мучения личности в миг, предшествующий социально тяжёлому действию (к примеру, человек переживает психические или даже физиологические мучения из-за регулярного безнравственного или противозаконного поведения жертвы покушения, которые длятся довольно продолжительный этап времени и организуют в совокупности продолжительную психотравмирующую обстановку). С точки зрения биологического адаптационного приспособления выживания мучения сигналижат нам о «проблемах», о том, что какие-нибудь потребности не целиком удовлетворяются. Таким образом, они передают толчок к воздействию для налаживания обстановки или свидетельствуют на необходимость корректировки требований. Мучения —

---

¹Романов В.В. Юридическая психология: учебник для бакалавров. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2012. — С. 223.

это чувства человека в виде негативных волнений, появляющихся под действием травмирующих его психику, здоровье событий, сильно задевающих его личностные структуры, расположение, самочувствие и иные ценности¹. Субъект может произвести любое (в том числе и насильственное правонарушение) деяние в попытке освободиться от физиологического, нравственного или психического мучения. Так, человек способен произвести правонарушение против собственности (к примеру, воровство), чтобы притупить чувство голода, а может нанести урон здоровью субъекту, наносящему ему мучения. В крайней обстановке лицо делается способно произвести убийство, в том числе в состоянии неожиданно начавшегося интенсивного душевного волнения, когда «чаша терпения» будет переполнена и эмоция мучения быстро и буйно перерастет в аффект. Таким образом, для того чтобы принять справедливое и верное решение при отграничении составов преступлений, предусмотренных ст. 107, ст. 113, ст. 108, ст. 114 УК РФ, необходимо оценивать все объективные и субъективные признаки в совокупности, При этом трудности могут возникнуть и при квалификации общественно опасных деяний в ситуации, когда наличествуют условия необходимой обороны, а лицо, совершающее общественно опасное посягательство, находится в состоянии неожиданно начавшегося интенсивного душевного волнения (аффекта).

2.3 Аффект в зарубежном уголовном законодательстве: теория и практика

В США «простое умышленное убийство» рассматривается как убийство, совершенное при смягчающих обстоятельствах, если оно совершено «в состоянии чрезвычайно сильного душевного волнения, не исключającego

---

¹Еникеев М. И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии: Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. – М.: Норма, 2006. – С. 225.

вменяемости, вызванного умышленной провокацией» (например, ст. 125.27 УК штата Нью-Йорк). «Провокация» должна быть: действительной; способной вызвать утрату контроля над собой; промежуток времени между «провокацией» и убийством не должен быть «достаточно большим», чтобы «разумный человек» мог «остыть»; лицо, виновное в убийстве, во время его совершения еще не «остыло»; у него не должно быть осознанного намерения отомстить потерпевшему за его провокационное поведение; инициатором провокации (ссоры, драки, побоев) не должен быть виноватый.

К интенсивным сторонам изложенной выше версии убийства можно причислить наличие «состояния чрезмерного интенсивного душевного волнения», которое возбуждено «намеренной провокацией пострадавшего», достаточной («способной возбудить потерю контроля над собой»). То есть речь идет о состоянии аффекта как о весьма ярком психическом напряжении, а наружный предлог для такого напряжения должен владеть такими психотравмирующими качествами, которые каждого «рационального человека» способны исключить из «духовного равновесия». При этом вменяемость не исключается, а субъект, находящееся в указанном состоянии психического расстройства, «еще не остыло» и, как следствие всего изложенного, не имело уяснённого намерения отплатить пострадавшему.

К изъясам можно причислить отсутствие инструкции на внезапность возникновения весьма интенсивного душевного волнения, которое могло бы удостоверить о прямой связи этого психического состояния с его «намеренной провокацией».

Согласно §213 УК ФРГ («Менее тяжкий случай убийства») ответственность смягчается, «если тот, кто совершил убийство, при отсутствии вины с его стороны был приведен в ярость жестоким обращением с ним или с его родственником или тяжким оскорблением со стороны убитого человека и совершил деяние на месте, где он был спровоцирован,

или иным образом имеет место менее тяжкий случай»¹... Речь в этой норме идет о спровоцированном убийстве в состоянии аффекта бешенства, достигнувшего уровня ярости, порожденного «зверским обращением» (измывательством) «с ним или его родственником» или «тяжёлым оскорблением» со стороны пострадавшего. Подтверждение на то, что действие совершается виноватым «на месте, где он был спровоцирован», говорит о неожиданно начавшемся аффекте и неожиданном умысле на убийство, который осуществится тут же, на месте провокации. Кроме того, законодатель показал на вероятность признания тяжёлого убийства (§211) или «простого» убийства (§212) менее тяжёлым убийством, если «иным образом имеет место менее тяжёлый случай». Установка на те или иные ситуации, ослабляющие ответственность за убийство, германский законодатель не дал, вероятно, доверяя на усмотрение суда. Кара за менее тяжёлое убийство предусматривается в виде лишения свободы сроком от одного года до десяти лет.

К позитивным моментам данной редакции можно отнести то, что речь идет об убийстве, произведенном в состоянии «оправданного» аффекта гнева, достигнувшего уровня ярости («весьма интенсивного душевного волнения»), порождённого «зверским обращением с ним или с его родственником или тяжёлым оскорблением со стороны убитого человека». Кроме того, бешенство виноватого и убийство спровоцированы самим пострадавшим, то есть являются итогом виктимного поведения самого «убитого» человека. Тот факт, что в законе открыто назначено, что данное убийство происходит «на месте, где он (виноватый) был спровоцирован», может удостоверить о неожиданности возникновения аффекта и прямой связи произведенного убийства с провокационным поведением пострадавшего.

---

¹Уголовный Кодекс Федеративной Республики Германии. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 155.

К несомненным изъятиям нужно относить небольшое количество способов, которые провоцируют достоверное негодование виноватого, что очень ограничивает употребление данной нормы. Также в законе сообщается только об одном виде аффекта — гнева, хотя могут иметь место и иные переживания в виде отчаяния, ненависти и т.д.

В УК Республики Польша в § 4 ст. 148 встречается свидетельство на «привилегированное убийство под воздействием интенсивного возбуждения, порождённого простительными условиями»¹.

При рассмотрении данной уголовно-правовой нормы можно сделать исключение о том, что при нахождении «простительных обстоятельств», вызывающих у виноватого «интенсивное возбуждение», законодатель весьма усложнил жизнь правоприменяющим органам. Так, статья не истолковывает значение мнения, не свидетельствует на «вину пострадавшего», на его провокационное поведение, которое является основанием и морально-психологическим основанием возникновения «интенсивного возбуждения» у виноватого.

Норма об ответственности за убийство в состоянии аффекта по УК Республики Беларусь является во многом похожей ст. 107 УК РФ, тем не менее, есть ряд отличий.

Так, в диспозиции ст. 141 УК РБ нет термина «аффект», а особенное психическое (эмоциональное) состояние виноватого называется «состоянием неожиданно начавшегося интенсивного душевного волнения»².

В наименованиях статей, как ст. 107 УК РФ, так и ст. 141 УК РБ, наличествует термин «аффект», но он может быть как физиологическим («ограниченная вменяемость»), так и аномальным («невменяемость»).

---

¹Уголовный кодекс Республики Польша. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – С. 47.

²Уголовный кодекс Республики Беларусь // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1999. – 15 октября. – №76.

Также к существенным отличиям можно отнести то, что в ст. 141 УК РБ законодатель после слов «другими незаконными или...» прибавляет слово «жесткими» и далее «безнравственными воздействиями пострадавшего». Речь, наверное, идет о попытке законодателя изобразить морально-психологическую оправданность возникновения у виноватого гнева (ярости), ненависти или иного аффективного состояния, что, считаем, является аргументированным.

К изъятиям как ст. 141 УК РБ, так и ст. 107 УК РФ можно причислить отсутствие после независимо указанного обстоятельства «продолжительная психотравмирующая обстановка», созданная в итоге «регулярного противозаконного или безнравственного поведения пострадавшего», подтверждения на очередность наружный толчок (провокационный акт и т.д.), который «переполнил чашу» и привел к эмоциональному взрыву.

Статья 141 УК Республики Беларусьне предусматривает квалифицированный вид такого убийства («убийство двух или более лиц, произведенное в состоянии аффекта»), в отличие от УК РФ.

В ст. 107 УК РФ в качестве отправной наружной причины (прямого предлога) возникновения «извиненного» аффекта виновного подтверждается также «психотравмирующая обстановка», «начавшаяся в связи с регулярным противоправным или безнравственным поведением пострадавшего», а, к примеру, в ст. 111 УК Грузии — «психическая травма», «обусловленная многократным противозаконным поведением жертвы»¹.

Речь может идти о так именуемых «аффектных следах», которые детально растолкованы в работе В.К. Вилюнас. «Аффективные следы» возникают вследствие специфического фиксирующегося переключения сильного аффективного переживания на все, что попадает в этом состоянии в

---

¹Уголовный кодекс Грузии. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 409 с.

поле восприятия субъекта¹. Запечатленное «в следах памяти» аффективное переживание отличается «сильной тенденцией к развитию, к порождению реальных побуждений «отплатить» предмету (ненависти, гнева, тоски, ревности и т.п.) ... протестом, иронией, угрозой, агрессивными действиями — за неудовольствие, полученное от него».

То есть воспроизведение провоцирующих воздействий пострадавшего, сотворение психотравмирующей обстановки отводит к тому, что «одно слово, услышанное человеком, способно вновь воспроизвести испытанный ранее интенсивный аффект при условии, если оно отмечает кое-какую, может быть, случайную подробность родоначальной аффективной обстановки или каким-то иным способом напоминает об этом аффекте». При этом «разумом завладевает не стимул-причина, а именно предмет аффекта, отрешённый в наличной обстановке».

Можно подойти к выводу о том, что произнесённое слово, энергичное деяние или пассивность, сходствующее предмет аффекта «в отпечатках памяти» в обстоятельствах психотравмирующей обстановки, возбужденной противоправным или безнравственным поведением пострадавшего, может приводить к эмоциональному взрыву и тяжёлым результатам. Отдельные психологи встречаются во взгляде, что «неблагоприятные обстоятельства, в особенности если они приобретают продолжительный, затяжной характер, либо вытекающие одно за другим обстоятельства, вызывающие негативные эмоции, способны исключить из строя всякую, до этого совершенно немалую нервную систему, в том числе относящуюся к сильному субъекту».

Убийство, произведенное в состоянии аффекта при отсутствииотяжеляющих условий, предусмотренных ст. ст. 221–2–221–4 УК Франции,

---

¹Психология эмоций. Тексты / Под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 89.

опознаются обыкновенным («элементарным») убийством, предусмотренным ст. 221–1 УК Франции¹.

Соответственно §76 УК Австрии ослабляется ответственность того, кто убивает иного человека, поддавшись «всем ясному душевному переживанию». Кара, предусмотренная за этот вид убийства в виде отнятия свободы сроком от пяти до десяти лет, представляет, что это «привилегированное» убийство анализируется законодателем республики как менее тяжёлое, чем «элементарное» убийство (§ 75 УК, предусматривающий возмездие от десяти до двадцати лет отнятия свободы), но сравнительно более тяжёлое, чем предшествующее (§ 79 УК).

В ст. 113 УК Швейцарии («Убийство в состоянии аффекта») законодатель выражает ответственность за убийство «при наличии оправдывающих ситуаций», то есть «находясь в состоянии интенсивного душевного волнения или под влиянием нешуточной психотравмирующей обстановки».

---

¹Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии). Учебное пособие. – М.: Зерцало, 1997. – С. 69.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема аффекта является одной из наиболее сложных и трудноразрешимых проблем не только в уголовном праве, но и в психологии. Вместе с тем это - проблема большого практического значения, она непосредственно связана с оценкой поведения человека. Невозможно правильно понять поведение преступника в аффекте, не зная особенностей поведения человека в этом специфическом состоянии, не определив границ последнего, его Физиологическую и психическую природу, влияние на психическую деятельность и поведение лица и т.п.

Аффект — это реакция, которая возникает в результате уже совершенного действия или поступка и выражает собой его субъективную эмоциональную окраску с точки зрения того, в какой степени в итоге совершения данного поступка удалось достичь поставленной цели, удовлетворить стимулировавшую его потребность. Иными словами, аффект не предвосхищает событие, а сдвигнут к его концу, возникает постфактум, то есть после наступления значимых для субъекта обстоятельств или осознания тяжести их последствий, в результате воспоминаний о травмирующем событии (следовой аффект) или вследствие накопления чувств (кумулятивный аффект).

В психологической и правовой литературе в настоящее время описано четыре вида физиологического аффекта: классический, кумулятивный, отсроченный (отложенный) аффект.

Аффект, в состоянии которого совершается убийство, непосредственно связывается с определенным неправомерным или аморальным поведением потерпевшего: насилием, издевательством или тяжким оскорблением либо другими противоправными или аморальными действиями (бездействием), а также длительной психотравмирующей ситуацией, которая возникает в связи

с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего. Такие действия (бездействие) должны быть совершены лицом, на жизнь которого посягает преступник, именно такие действия (бездействие) потерпевшего являются необходимым обязательным условием возникновения аффекта виновного в рассматриваемом преступлении.

Действия (бездействие) лица, которое в результате посягательства виновного на его жизнь становится потерпевшим, должны быть по смыслу закона не всякие, а во-первых, достаточно сильными раздражителями, которые способны вызвать аффективное состояние у виновного; во-вторых, неправомерными или аморальными, свидетельствующими об извинительном характере возникшего аффекта; в-третьих, обстоятельствами, выступающими в качестве непосредственного повода возникновения аффекта и совершения в этом состоянии преступления.

Преступления, совершенные в состоянии аффекта (ст. 107, 113 УК РФ), имеют ряд общих признаков с преступлениями, совершенными при превышении пределов необходимой обороны (ст. 108, 114 УК РФ). Общими для них являются следующие элементы состава преступления: объект, деяние, выраженное в насильственном действии, вина, субъект преступления. Сходной является и обстановка совершения преступления, а точнее, его повод, которым в обоих случаях выступает неправомерное предшествующее поведение потерпевшего. Наличие большого количества тождественных признаков порождает на практике проблемы при их разграничении.

В процессе анализа уголовно-правовой характеристики преступлений, совершенных в состоянии аффекта, мы пришли к выводу, что условия уголовной ответственности за преступления, составы которых предусмотрены в ст. 107 и ст. 113 УК РФ, во многом совпадают, а именно во всех случаях необходимо установить, что сильное душевное волнение вызвано насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями

(бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

Соответственно, условия и основания привлечения к ответственности за рассматриваемые преступления одинаковы и, как, следствие, идентичны проблемы квалификации, законодательного формулирования указанных преступлений.

Во-первых, конструкция составов указанных преступлений такова, что включает в себя одновременно два понятия: «внезапно возникшее сильное душевное волнение», а в скобках (заимствованное из психологии) – «аффект» как конкретизирующее. При этом понятие «сильное душевное волнение» употребляется лишь в уголовном законодательстве, а в психологии отсутствует.

В результате употребления психологического понятия «аффект» в УК РФ возникла путаница в науке и практике. Аффект, вызванный противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, стал юридическим понятием.

В связи с этим, некоторые ученые отмечают, что в таком случае его нельзя использовать в краткой формулировке «аффект», поскольку тогда юридическое понятие неадекватно отождествится с психологическим и предлагают с целью более точного применения уголовного закона, а также единообразного понимания категории «аффект» необходимо ввести в диспозиции ст. 107, 113 УК РФ более общее понятие «аффективное состояние, оказывающее определяющее влияние на сознание и волю лица».

В некоторой степени мы согласны с таким подходом в части изменения законодательного формулирования сильного душевного волнения (аффекта).

Вместе с тем, на наш взгляд, более правильным является не хаотичное внесение изменений в уголовное законодательство и насыщение его психологическими терминами, а лишь указание на термин, используемой в специальной отрасли знания.

Соответственно, мы предлагаем исключить из ст. 107 и ст. 113 УК РФ формулировку «внезапно возникшего сильного душевного волнения» и включить указание именно на аффект физиологический.

Во-вторых, аффект как конструктивный элемент состава преступления, предусмотренного ст. 107 и ст. 113 УК РФ, непосредственно связывается с определенным неправомерным поведением потерпевшего.

Изучив уголовные дела по совершению аффектированных преступлений, мы пришли к выводу, что отсутствует определенное понимание сущности тяжкого оскорбления, а именно в приговорах сделана ссылка на то, что потерпевший тяжело оскорбил обвиняемого, но сущность указанного термина не раскрывается.

В то же время нам представляется нелогичной позиция законодателя, с одной стороны, придающего статус повода для юридически значимого аффекта не всякому оскорблению, а с другой, рассматривающего в качестве подобного повода по сути любое противоправное или аморальное поведение потерпевшего.

Ведь любое оскорбление и аморально, и противоправно. Более того, оно признано преступлением. Если оно способно вызвать аффектированное состояние, то должно признаваться тем обстоятельством, при котором убийство должно квалифицироваться по ст. 107 УК РФ. С учетом сказанного, наделение оскорбления в данной статье качеством тяжкого является излишним.

В третьих, до сих пор не нашел своего однозначного решения вопрос о субъективной стороне в преступлениях, совершенных в состоянии аффекта.

Мы считаем, что наиболее верной является точка зрения, согласно которой преступления в состоянии аффекта могут совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом.

Также, в судебной-следственной практики нередко возникают проблемы:

– отграничения убийства, совершенного в состоянии сильного душевного волнения, от квалифицированного убийства;

– отграничения убийства в состоянии аффекта от причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, совершенного в состоянии сильного душевного волнения;

– соотношения аффекта и превышения пределов необходимой обороны;

– соотношения аффекта и ограниченной вменяемости.

Что касается уголовного права зарубежных стран, то практически везде состояние аффекта является смягчающим ответственность обстоятельством.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Раздел 1 Нормативные правовые акты и иные официальные акты

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
2. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – 17 июня. – № 25. – Ст. 2954.

Раздел 2 Литература

3. Алексеева, Л.В. Взаимоотношение психологии и уголовного права в аспекте экспертологии / Л.В. Алексеева // Психологический журнал. – 2002. – Т. 23. – № 6. – С. 60–71.
4. Бабичев, А.Г. Ответственность за убийство при смягчающих обстоятельствах в некоторых странах Европейского союза / А.Г. Бабичев // Актуальные проблемы права: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2014 г.). — М.: Буки-Веди, 2014. — С. 94-96.
5. Большой психологический словарь / Сост. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. М.: Прайм–Евроснак, 2004. - 672 с.
6. Бородин, С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву / С.В. Бородин. – М.: Юрист, 1994. – 216 с.
7. Будякова, Т.П. Виктимологические аргументы в пользу легализации отложенного (отсроченного) аффекта / Т.П. Будякова // Основные направления модернизации криминологической науки. – 2014. – № 2. – С. 16-22.

8. Дядюн, К.В. Состояние аффекта и превышение пределов необходимой обороны: вопросы соотношения и разграничения составов / К.В. Дядюн // Адвокат. – 2013. – № 9. – С. 17-21.
9. Еникеев, М.И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии: Учебник для вузов / М.И. Еникеев. 2-е изд., перераб. М.: Норма, 2006. – 624 с.
10. Жариков, Н.М. Судебная психиатрия: Учебник для вузов / Под общ.ред. акад. РАМН Г. В. Морозова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2004. — 528 с.
11. Классен, А.Н. Отграничение преступлений, совершённых при превышении пределов необходимой обороны, от преступлений, совершённых в состоянии аффекта / А.Н. Классен, М.Л. Якуньков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2007. – № 9. – С. 44–46.
12. Коломина А. В. Аффект в праве: Дис . ... канд . юрид . наук . – Владимир, 2006.
13. Краткий психологический словарь / Под ред . А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского. – Ростов н/Д, 1998. – 174 с.
14. Крылова, Н.Е. Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии). Учебное пособие / Н.Е. Крылова, А.В. Серебренникова. – М.: Зерцало, 1997. – 192 с.
15. Кудрявцев, И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза / И.А. Кудрявцев. – М.: Юрид. лит., 1988. – 224 с.
16. Леонтьев, А.Н. Лекции по общей психологии / А.Н. Леонтьев. – М.: Смысл, 2000. – 509 с.
17. Неклюдов, Н.А. Руководство к особенной части русского уголовного права: Преступления и проступки против личности. Т. 1. – С.–Пб: Тип. П.П. Меркульева, 1876. - 555 с.
18. Немов, Р.С. Психология: учебник / Р.С. Немов. — 2-е изд., стер. — М.: КНОРУС, 2016. — 720 с.

19. Немтинов, Д.В. Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта. Проблемы квалификации / Д.В. Немтинов // Вестник Тамбовского университета. – 2011. – № 11. – С. 382-388.
20. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 23-е изд. – М. : Рус. яз., 1990. – 917 с.
21. Павалаки, А. Проблемы разграничения убийств со смежными видами преступлений / А. Павалаки // Молодой ученый. — 2016. — №9. — С. 875-879.
22. Панфилова, И.П. Вопросы отграничения убийства, совершенного в состоянии аффекта, от смежных составов преступлений / И.П. Панфилова // Инновационная экономика и право. – 2016. - № 4. – С. 121–124.
23. Побегайло, Э.Ф. Борьба с тяжкими насильственными преступлениями и роль органов внутренних дел в ее осуществлении / Э.Ф. Побегайло. – М., 1988. – 40 с.
24. Подольный, Н. Сильное душевное волнение и аффект / Н. Подольный // Законность. – 2001. – № 2. – С. 36.
25. Познышев, С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложений / С.В. Познышев. - М.: Тип. В.М. Саблина, 1909. – 516 с.
26. Психология для юристов: Учеб. / Под ред. И. И. Алимова. М., 2005. – 524 с.
27. Психология эмоций/ Под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 288 с.
28. Ривман, Д.В. Криминальная виктимология / Д.В. Ривман. – СПб.: Питер, 2002. – 304 с.
29. Романов, В.В. Юридическая психология: учебник для бакалавров / В. В. Романов. – М.: Юрайт, 2012. – 533 с.

30. Российское законодательство X – XX веков: Законодательство периода становления абсолютизма. В 9–ти томах. Т. 4 / Под общ. ред.: Чистяков О.И. – М.: Юрид. лит., 1986. - 512 с.
31. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – М., 2002. – с.
32. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917 – 1952 гг. / Под ред.: Голяков И.Т. – М.: Госюриздат, 1953. – 463 с.
33. Сверчков, В.В. Основания освобождения от уголовной ответственности (наказания) в системе отечественного законодательства / В.В. Сверчков // Правоведение. – 2003. – № 5. – С. 119.
34. Сидоров, Б.В. Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение / Б.В. Сидоров. – Казань, 1978.
35. Спиноза, Б. Этика / Б. Спиноза. – СПб., 1993.
36. Таганцев, Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года / Таганцев Н.С. – М.: Книга по Требованию, 2011. – 742 с.
37. Трайнин, А. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий / А. Трайнин, В. Меньшагин, М. Вышинская. – М., 1946.
38. Уголовное право. Особенная часть / Отв. ред. Козаченко И.Я. 4–е изд., перераб. и доп. – М.: 2008. — 720 с.
39. Уголовное Уложение: Глава 1. Проект редакционной комиссии и объяснения к нему. Т. 1 – СПб: Гос. Тип, 1897. - 639 с.
40. Уголовный кодекс Грузии. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. — 409 с.
41. Уголовный кодекс Республики Беларусь // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1999. - 15 октября. – №76.– 239с.
42. Уголовный кодекс Республики Польша. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001.–234с.

51. Постановление суда надзорной инстанции по делу № 44у-878 от 23.11.2011г. [Электронный ресурс].– Режим доступа: <https://rospravosudie.com/>
52. Постановление Президиума Самарского областного суда от 10.02.2008 г. № 2311/08 // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2008. – № 5.
53. Дело № 10 –926/2015 Челябинского областного суда [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.chel-oblsud.ru>
54. Дело № 10 –5821/2015 / Челябинского областного суда [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.chel-oblsud.ru>
55. Дело № 10–3454/2014 Челябинского областного суда [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.chel-oblsud.ru>
56. Дело № Ю–2661/2014 Челябинского областного суда [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.chel-oblsud.ru>
57. Дело № 22–1482/2013 Челябинского областного суда [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.chel-oblsud.ru>
58. Дело № 1–65/2014 Копейского городского суда Челябинской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kopeysk.chel.sudrf.ru>
59. Дело № 1–358/2014 Златоустовского городского суда Челябинской области [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.zlatoust.chel.sudrf.ru>
60. Дело № 1-659/2012 Златоустовского городского суда Челябинской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zlatoust.chel.sudrf.ru>